

Шенг Схейен

СЕРГЕЙ ДЯГИЛЕВ

«Русские сезоны» навсегда

18+

Шенг Схейен

**Сергей Дягилев. «Русские
сезоны» навсегда**

«Азбука-Аттикус»

2010

УДК 7.07+929Дягилев
ББК 85.3(2)-8

Схейен Ш.

Сергей Дягилев. «Русские сезоны» навсегда / Ш. Схейен —
«Азбука-Аттикус», 2010

ISBN 978-5-389-12875-0

Книга голландского историка Шенга Схейена – самая полная на сегодняшний день биография Сергея Дягилева (1872–1929). Дягилев мечтал стать певцом, композитором, художественным критиком, но взялся сочинять куда более таинственное и глобальное произведение – образ будущего искусства. Умение уловить и вывести на свет новое, небывалое – самая суть его гения. Дягилевские «Русские сезоны» на сто лет вперед определили репутацию искусства России как самого передового, экстраординарного и захватывающего балетного явления. Провидец и тиран, ловец душ и неисправимый одиночка, визионер и провокатор, он слышал музыку раньше сочинившего ее композитора и видел танец прежде первого па. Книга Схейена уникальна и интересна не только главным героем, но великим множеством жизненных подробностей русского и европейского модернизма, драматургией взаимоотношений главных имен музыки, театра и живописи XX века. Ведь за свою недолгую жизнь Дягилев общался и сотрудничал с Чеховым, Римским-Корсаковым, Бакстом, Бенуа, Роденом, Дебюсси, Матиссом, Пикассо, Стравинским, Прокофьевым, Маяковским, Баланчиным, Коко Шанель и др. Биография Дягилева похожа на экстравагантный авантюрный роман, хотя все в ней – правда. В книге публикуются редкие фотографии, документы, эскизы костюмов и декораций – бесценные свидетельства искусства, живущего вне всяких границ.

УДК 7.07+929Дягилев
ББК 85.3(2)-8

ISBN 978-5-389-12875-0

© Схейен Ш., 2010
© Азбука-Аттикус, 2010

Содержание

Введение: смерть в Венеции	8
I	13
II	22
III	36
IV	42
V	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Шенг Схейен

Сергей Дягилев. «Русские сезоны» навсегда

Sjeng Scheijen

DIAGHILEV

Een Leven Voor De Kunst

Sjeng Scheijen

SERGEJ DIAGHILEV. EEN LEVEN VOOR DE KUNST

Издательская Группа «Азбука-Аттикус» выражает благодарность Голландскому литературному фонду (Nederlands letterenfonds – www.letterenfonds.nl) за помощь в издании этой книги

В оформлении обложки использована репродукция картины «Портрет С. Дягилева с няней». Художник Леон Бакст, 1906. Холст, масло. Государственный Русский музей, РИА Новости

© Sjeng Scheijen, 2009, 2010

© Князькова С., перевод на русский язык, 2012

© Возненко Н., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016
КоЛибри®

* * *

«Итак, Вы здесь. Как здорово!»

Эрик Сати

«Дьявол во плоти – вот кто такой Дягилев».

Жан Кокто

«Серж Дягилев – человек страшный и обворожительный, он умел заставить плясать даже камни».

Клод Дебюсси

«Итак, Дягилев – великий человек, а Нижинский – его пророк».

Клод Дебюсси

«Это чудище, этот священный монстр, этот русский принц, которого жизнь устраивала, только если в ней происходили чудеса».

Жан Кокто

«Дягилев, незаменимый Дягилев, был маг и волшебник».

Франсис Пуленк

«Дягилев сделал три вещи: он открыл Россию русским, открыл Россию миру; кроме того, он показал мир, новый мир – ему самому».

Фрэнсис Стейгмюллер

«Дягилев – человек обходительный, но страшный...»

Эрик Сати

«Дягилев – это Людовик XIV».

Анри Матисс

«Невозможно понять, что он за человек, он очаровывает и сводит с ума одновременно, словно змея, он ускользает из рук – в сущности, его волнует только он сам и то, чем он занимается».

Анри Матисс

«Все в Дягилеве страшное и значительное».

Александр Блок

«...Громадная и, несомненно, единственная фигура, размеры которой увеличиваются по мере того, как она удаляется».

Сергей Прокофьев

«Этот стихийный человек – одна из самых характерных фигур нашей родины, соединявшая в себе все чары и всю непогасшую мощь русской культуры».

Александр Бенуа

«Надо идти напролом. Надо поражать и не бояться этого, надо выступать сразу, показать себя целиком, со всеми качествами и недостатками своей национальности».

Сергей Дягилев

Введение: смерть в Венеции

21 августа 1929 года от «Гранд Отель де Бэн» на Лидо отплыла гондола в сторону Сан-Микеле, островка, на котором с начала XIX века находится кладбище города Венеция. Лежащее в гондоле тело предстояло захоронить в греческо-православной части этого кладбища. При жизни покойного звали Сергей Павлович Дягилев. Руководитель и организатор труппы Ballets Russes, он был одним из глашатаев современного искусства в XX веке. На протяжении двадцати двух лет Дягилев вел активную творческую деятельность в Западной и Центральной Европе, изменив за этот относительно небольшой промежуток времени мир балета, театра, музыки и изобразительного искусства так, как это еще не удавалось никому.

Начиная с 1896 года он много выступал в России в качестве критика, получил известность как организатор выставок, издатель и искусствовед. Он вывел русское искусство из многолетней стагнации; посредством выставок и выступлений в журнале проложил путь международному символизму, югендштилю, «Arts and Crafts Movement»,¹ «русскому стилю», а также привлек внимание к забытым аспектам русского искусства прошлого. В Европе на частные средства он создал странствующую балетную труппу, выступавшую на самых знаменитых европейских и американских сценах. Больше двадцати лет она представляла собой уникальный балетный коллектив, равного которому не было в мире. С первых же сезонов выступления труппы имели громадный успех, удовлетворяя потребность публики в славянской и ориентальной экзотике. Но незадолго до начала Первой мировой войны Дягилев начал реформировать труппу, превращать ее в платформу и лабораторию авангарда, сотрудничая с такими художниками, как Пикассо, Кокто, Дерен, Брак и Матисс, с футуристами, кубистами и сюрреалистами, с русскими авангардистами Ларионовым, Гончаровой и Наумом Габо. Ради этого он шел на огромный личный и финансовый риск, преодолевал сопротивление со стороны даже своих ближайших друзей. Значение дягилевских Русских сезонов для распространения эстетики и престижа европейского авангарда невозможно переоценить.²

Дягилев не опирался ни на какую постоянную организацию, десять лет не имел головной конторы и постоянных спонсоров. У него не было дома и практически никакого имущества. Он ездил по миру с чемоданами в сопровождении одного слуги, ночевал в дорожных отелях, хотя далеко не всегда был в состоянии за них расплатиться. Импресарио нес персональную ответственность за программу, контракты, рекламу, ангажемент артистов и, самое главное, за творческое решение спектаклей, из которых очень многие были отмечены печатью его индивидуальности. Он не раз оказывался на краю финансовой пропасти и даже однажды в нее угодил. При этом его радушно принимали монархи, высшая аристократия и богатые промышленники.

Все, кто знал Дягилева, подчеркивали его «русскость», любовь к родине, с которой его разлучила Первая мировая война. Даже после пятнадцати лет постоянного пребывания в Западной Европе, когда в его труппу стало входить все больше иностранцев, круг его ближайших друзей и знакомых за редким исключением составляли по-прежнему одни только русские. Разлука с Россией, возможно, была драмой всей его жизни, но отчасти это был его собственный выбор, отчасти – результат смятения и невозможности что-либо изменить.

Дягилев рассматривал пропаганду русского искусства в Европе как свою важнейшую задачу, и восприятие России как крупной европейской культурной нации, чему положил

---

¹ «Движение искусств и ремесел» (англ.).

² Пикассо однажды сказал, что «Дягилев сделал больше для распространения моей славы в международном масштабе, чем парижские экспозиции Розенберга». Цит. по: Richardson J. A Life of Picasso. Vol. III. N. Y., 1980. P. 379. Если это верно по отношению к Пикассо, то справедливым будет предположить, что эти слова можно отнести и ко всему авангарду в целом. (Поль Розенберг – знаменитый коллекционер и арт-дилер, в галерее которого с 1919 г. выставлялись работы Пикассо. – Прим. ред.)

начало XX век, в большой степени – его личная заслуга. Выдающийся русский интеллектуал и друг Дягилева Александр Бенуа писал, что это была «одна из самых любопытных характерных фигур нашей родины, соединявшая в себе все чары и всю непогасшую мощь русской культуры»¹.

Несмотря на все это, его отношения с правящей элитой в России были неоднозначными. При Николае II Дягилеву противостоял царский двор, который намеренно пытался помешать его успеху в Западной Европе. При советской власти, особенно после 1927 года, на Дягилева все чаще смотрели как на фигуру неблагонадежную, в конечном счете как на врага. О его смерти сообщили все газеты в Европе, в Северной и Южной Америке, многие на первой полосе. В течение долгого времени после его кончины мировая пресса публиковала воспоминания и очерки о нем. А в его собственной стране появилась всего одна заметка – краткий некролог на пятнадцатой полосе литературно-художественного еженедельника «Красная панорама».

На могиле Дягилева по-русски и по-французски высечены слова: «Венеция – постоянная вдохновительница наших успокоений». С городом на лагуне, где в течение многих лет Дягилев проводил свой летний отпуск, его связывали прочные и глубокие чувства. Впервые он посетил Венецию в восемнадцатилетнем возрасте и потом возвращался туда постоянно. Венеция представлялась Дягилеву высочайшим образцом искусства, изысканным средоточием творений человеческих рук, перед которым склонилась сама природа, ведь человек сумел побороть ее стихийную мощь. Плод человеческой фантазии, Венеция – город фантастический и мифологический. Отсюда и широко распространенное убеждение в том, что Венеция – это мираж или театральная сцена, необозримая декорация с десятками тысяч статистов. В этом городе почил кумир его юности Рихард Вагнер. В 1902 году Сергей написал мачехе, что, наверное, и сам когда-нибудь окончит свои дни в Венеции:

«Ты спрашиваешь, люблю ли я Венецию и почему мы сюда приехали? О последнем скажу: не почему. Просто приехали, ибо нервам здесь уж слишком хорошо и покойно, а жизнь слишком мало похожа на жизнь вообще, да в Венеции, впрочем, и нельзя “жить” – в ней можно только “быть”, [...] ибо никогда не мог понять, к чему здесь магазины, биржи, солдаты! Все это не всерьез здесь. Существует Palazzo Ducale,³ San Marco⁴ и вечерний морской воздух? Это истина такая сладкая, что я чувствую, что сподоблюсь хоть в этом поступить как Вагнер и приеду умирать в Венецию. Действительно, разве и в этом Вагнер не был гениален? Когда-то во времена романтизма девицы рыдали над поэтичной смертью Шопена на Канарских островах, но как это бессильно по сравнению с великим Байретцем!⁵ Если Ницше распял себя своим безумием, то Вагнер тоже уподобился Богу, когда, создав “Парсифаля”, приехал умирать в la Vendramini.⁶ Какой это холодный и страшный дворец, это не капризная готика Ca’ d’Oro,⁷ но точно сколоченный ренессансный

---

³ Дворец дождей в Венеции. (Прим. пер.)

⁴ Площадь Святого Марка – главная городская площадь Венеции. (Прим. пер.)

⁵ Дягилев либо пошутил, либо ошибся. Шопен умер не на Канарских островах, а в Париже. Но, правда, на Майорке, входящей в состав Балеарских островов, он серьезно болел.

⁶ Палаццо Вендрамин-Калерджи в Венеции. (Прим. пер.)

⁷ Одно из знаменитых палаццо на Большом канале в Венеции. Название в переводе с итальянского означает «Золотой дом». (Прим. пер.)

гроб, достаточно величественный, чтобы похоронить в себе великую душу маленького уродца из Байрёйта.⁸

Итак, я убеждаюсь, что окончу дни свои здесь, где некуда торопиться, не надо делать усилий для того, чтобы жить, а это главная наша беда, мы все не просто живем, а страшно стремимся жить, как будто без этих усилий жизнь наша прекратится»².

Некоторые считают, что Дягилев смоделировал свою «смерть в Венеции» по аналогии со смертью Густава Ашенбаха, главного героя новеллы Томаса Манна. Дягилев хорошо знал эту книгу, но из приведенного выше письма становится понятно, что он взял за образец не вымышленный персонаж – писателя Ашенбаха (прототипом которого был Густав Малер), а самого Вагнера.

Такие мрачные фантазии у Дягилева не случайны – многие друзья и современники импресарио замечали его навязчивый страх перед смертью. Он панически боялся заразиться, старался уберечь себя от несчастий с помощью талисманов, ритуалов и бдительного отношения к «дурным знакам». Страшась смерти, он постарался сделать ее одним из актов спектакля своей жизни. Дягилев усматривал гениальность Вагнера и в том, что тот поехал умирать в Венецию, ведь таким образом композитор делал из своей жизни художественное произведение, подчинял себе хаос, коим является смерть. Венеция и для него самого делала смерть более приемлемой и осмысленной, придавала характер творческого акта даже конечному распаду.

В силу многих причин Венецию можно считать ключом к пониманию непростого и закрытого характера Дягилева. Венеция была для него местом отдыха, городом, в котором он мог уединяться и мечтать. Для человека, не имевшего собственного дома или квартиры, постоянно находившегося на людях, в общественных местах, таких как театры, гостиницы и рестораны, важно было иметь по крайней мере одно постоянное место, куда он мог в любое время спокойно вернуться. Кроме того, Дягилев тщательно охранял свои эмоции от внешнего мира – возможно, это была реакция на публичность его повседневного труда, которая со временем приводит к особой уязвимости характера. Художник, с которым Дягилев активно сотрудничал в начале своей карьеры в Санкт-Петербурге, отмечал, что Дягилев крайне редко приглашал к себе кого-либо в гости и без повода не заходил к друзьям³. Он мог быть невероятно открытым, но гораздо чаще замыкался в себе. Смерть отца незадолго до начала войны, а вскоре вслед за тем уход любимой мачехи он скрывал практически от всех друзей. Он все время проводил в архивах в поисках забытых нот, как и раньше, когда искал в петербургских архивах сведения о забытых художниках XVIII столетия. Венеция была обрамлением тех кратких моментов, когда он мог углубиться в свою внутреннюю жизнь, заполненную образами и мечтами. В такие моменты он черпал силы для творчества и отдыхал от повседневных забот. Один из них он описал в письме мачехе:

«Бог создал сны и подарил способность мечтать. Отсюда весь мистицизм и вся поэзия. Но есть сказка и наяву. Она не принадлежит “Тысяче и одной ночи”, ибо еще более волшебна по смеси колдовства с явью. Граница эта в Венеции так же заволокнута в туманы, как и очертания дворцов и берегов лагун. Весь яд в Венеции в том и состоит, что реальное, осязаемое соприкасается каждый миг с волшебным таинством, теряется сознание действительности, забывается прошлое [...] Так вы и знайте – вот уже десять дней, как я не помню, кто я, есть ли у меня в жизни дело,

---

⁸ Байройт – город на территории земли Бавария в Германии, где провел последние годы своей жизни Вагнер и где проходит ежегодный Вагнеровский фестиваль. (Прим. пер.)

желания, мысли – все это осталось там, на земле с людьми, а здесь что-то другое, вечно-пребывающее, вечно-несуществующее и всегда дорогое. Единственно ценное, единственно свободное состояние духа, ежемгновенно опьяненного и насытно ждущего опьянения. Все это изумительно и опять точно неожиданно и потому странно. Ничего конкретного, все спокойно, точно и вправду кладбище, а быть может, только там и есть жизнь, где представления путаются, и смерть граничит с вдохновением и порывом, как только та ночь хороша, где рождаются сны и воплощается невозможность жизни в реальные образы сновидений. Вот о чем я думаю, смотря на зеленую воду Canale Grande,⁹ играющую в лучах жгучего октябрьского солнца»⁴.

Венеция символизировала для Дягилева и еще нечто очень важное: величие европейской культуры. Дягилев преклонялся перед искусством Ренессанса, обладая энциклопедическими знаниями в области архитектуры и музыки этого периода. Он никогда не забывал традиции европейского прошлого и старался к самым дерзким экспериментам подходить с меркой искусства, которое почитал классическим.

Дягилев конечно же не был новатором с самого рождения. В первые годы в качестве редактора «Мира искусства» его представления, по крайней мере в европейском контексте, вполне можно назвать консервативными:

«Дальше Р. Вагнера в музыке не пойдешь, так же и более “раздетым” в живописи, чем Цорн и Мане – нельзя быть. Путь неверен.

Искусство, по крайней мере, человеческое искусство все-таки не есть птичье пение и, прежде всего, есть – работа. Вещь необходимо должна быть хорошо сделана [...]. Чтобы идти вперед, нельзя строить все благополучие на смелости новизны»⁵.

Когда Дягилев писал эти строки, Ван Гог уже десять лет не было в живых.

Подобное высказывание из уст организатора и вдохновителя таких вех в истории модернизма, как «Весна священная», «Парад», «Свадебка» и «Стальной скок», может вызвать удивление, но в каком-то смысле с убеждениями своих юных лет этот человек не расставался никогда. Дягилев сохранял приверженность ремеслу, «*rien de bien fait*»,¹⁰ что оказывало значительное влияние на молодых художников, с которыми он работал. Вскоре после окончания Первой мировой войны он начал играть важную роль в становлении неоклассицизма во Франции, пришедшего на смену раннему модернизму с его необузданным стремлением к экспериментам. Дягилев учил своих художников, композиторов и хореографов не забывать о прошлом, даже если оно представлялось им тормозом для их творческой интуиции. В то же время Дягилев, как никто другой, понимал, что преклонение перед прошлым может стать оковами для художника. Когда в 1902 году в Венеции у него на глазах обвалилась башня Святого Марка, это сильно на него повлияло и породило представление, с которым он не расставался до конца своих дней:

«Культура двадцати веков, давящая на наши плечи, мешает нам творить, и, если бы с башней Св. Марка рухнула бы вся наша милая Венеция, – мы обезумели бы от горя, но [...] для будущих людей было бы одним серьезным препятствием меньше»⁶.

---

⁹ Большой канал – главный канал в Венеции, который, собственно, является не каналом, а естественной протокой между островами лагуны. (Прим. пер.)

¹⁰ Хорошо сделанная вещь (фр.).

Дягилев четко осознавал, что для подлинного новаторства необходим решительный разрыв с прошлым, отрицание всего предшествующего. В то же время он беззаветно любил старую Европу. Это был парадокс, из которого рождались все идеи дягилевских спектаклей, и динамика, которой это сопровождалось, служила одним из источников его личной неукротимой энергии.

Страсть Дягилева к искусству была безмерна. И такая безмерность была для него нормой. Без полной самоотдачи искусства не бывает, без полной самоотдачи нельзя даже считать себя состоявшейся личностью. Для Дягилева человек, не отдающий себя целиком своей страсти, делящий жизнь на две части, одна из которых заботится о пропитании, другая дает простор разуму и душе, – не целое существо, а трагическая половинка. Буржуазного разделения на профессию и любительство он не признавал. Жизнь для него состояла из череды работы и отдыха. А работать означало перерабатывать жизнь полностью. Работа как трансформирующая сила, делающая из бытия нечто приемлемое, дробящая гранит мертвой массы. Дабы познать и изведать все слои жизни, ее поверхность и глубины, следует ее вначале подготовить, ведь жизнь требует обработки. Великий поток радостей и невзгод, ссор и примирений, которые выпало пережить Дягилеву, а вместе с ним многим другим, порой представляется его способом жить с еще большим вкусом и азартом.

Подлинно прекрасное, по мнению Дягилева, должно будоражить нервы, быть неоднозначным, вызывать живую реакцию и эмоции. Сильные эмоции не конечная цель красоты и искусства, а своего рода их непреднамеренный побочный эффект. Сильные эмоции возникают потому, что истинная красота способна довести человека до экстаза.

И в этом квинтэссенция его натуры. За всеми его внутренними конфликтами, легендарным шармом, чудовищными диктаторскими наклонностями, необыкновенной чуткостью к таланту, хитростью и вероломством, решительностью и провидческим даром скрывалась жажда приобщения к тайне творчества в его наивысшей форме. В отличие от отца и деда, живших на границе Европы и Азии, и многих тысяч других, служивших в армии и государственном аппарате под девизом «жизнь за царя», Дягилев решил преобразить свою жизнь и эпоху. Он не останавливался ни перед чем, чтобы только иметь возможность служить красоте и жить во имя искусства.

I

Голова

1872–1880

Истории, часто повторяемые, совсем не обязательно правдивы.

Одна из историй о Дягилеве связана с его крупной головой и тем, какую роль эта голова сыграла при его появлении на свет. Сергей Павлович Дягилев родился 19 марта 1872 года в деревне Селищи Новгородской губернии, неподалеку от казарм, в которых служил его отец.¹¹ Говорят, что его мать якобы умерла во время родов¹, но, если верить другим источникам, это случилось через несколько дней после родов². И проблема была не в поперечном предлежании или каких-либо иных осложнениях и даже не в плохом качестве родовспоможения – что было весьма распространено в российской глубинке XIX века, – а будто бы в гигантских размерах головы младенца Сергея³.

Об этом рассказывал сам Дягилев,¹² ту же историю приводят практически все его биографы и авторы воспоминаний о нем. Первый биограф Дягилева Арнольд Хаскелл пишет о непропорционально большой по сравнению с туловищем голове с крутым лбом выдающейся лепки. Также биографы часто сообщают, что Сергея всю жизнь мучило чувство вины за то, что его «необычайно крупная для младенца голова»⁴ стала причиной безвременной гибели его матери.

В действительности роды были не такими уж травматическими, и умерла Евгения Дягилева, урожденная Евреинова, лишь три месяца спустя после рождения младенца Сергея, голова которого, к счастью, была совершенно пропорциональна.¹³ Павел Павлович писал своей матери, что через десять дней после родов его жена снова ходит и, по мнению врача, с ней все в порядке. Однако месяц спустя состояние ее ухудшилось, и она опять слегла. Вызвали другого врача, который поставил диагноз «воспаление кишечника». 5 мая Павел написал своей матери о том, что состояние его жены резко ухудшилось. Вероятно, Евгения стала жертвой так называемой «родильной горячки», осложнения, от которого до 1879 года умирала одна из пяти рожениц в Европе. Причиной его возникновения служила стрептококковая инфекция *streptococcus pyogenes*,¹⁴ и высокая смертность объяснялась тем, что ее разносчиком выступал сам медицинский персонал: акушерки и врачи. Уже в середине 60-х годов XIX века венгерский врач Игнац Земмельвейс установил, что смертность в результате родильной горячки значительно сокращается, если акушерки и врачи перед осмотром женщины и манипуляциями по родовспоможению тщательно моют руки. К сожалению, эти сведения в 1872 году, видимо, еще не достигли Новгородской губернии.¹⁵

Когда отец Сергея Павел Павлович потерял жену, ему было всего двадцать пять лет. Павел был офицером-кавалергардом; к моменту появления на свет Сергея он уже дослужился до полковника, а в дальнейшем и до генерал-майора⁵. Дягилевы принадлежали к помещицкому

---

¹¹ В тех же казармах несколько лет служил М. Ю. Лермонтов.

¹² Бронислава Нижинская писала об этом в своей книге: «Сергей Павлович рассказывал мне позже, что его большая голова стала причиной смерти его матери», цит. по: *Nijńska B.* Op. cit. P. 55.

¹³ Подробнее о беременности, родах и болезни Евгении Дягилевой см.: *Дягилева Е. В.* Семейная запись о Дягилевых. СПб., 1998. С. 52–55.

¹⁴ Пиогенный (или гноеродный) стрептококк (*лат.*).

¹⁵ Диагноз и историческая справка получена от врачей Н. Ван Троммела и Н. Гребенщикова, в настоящее время работающих в больнице Радбауд в г. Неймеген (Нидерланды). Изложено на основе сведений из книги Дягилевой Е. В. «Семейная запись о Дягилевых». СПб., 1998.

сословию и были достаточно обеспеченной семьей, будучи владельцами нескольких винокуренных заводов у подножия Урала в окрестностях Перми. Во второй половине XIX века положение русского помещичества было сильно подорвано, и Дягилевы не составили исключения. Капитализм, медленно, но верно перекочевывающий с Запада, расшатывал сложившиеся устои, способствовал формированию нового среднего класса, он ускорял развитие, в частности, производства, а также влиял на процесс обогащения либо обнищания целых слоев населения. Отмена в 1861 году крепостного права тяжело отразилась на положении поместного дворянства – многие семьи едва сводили концы с концами.

Судьба Дягилевых была тесно связана с модернизацией русского общества в начале 60-х годов. Благополучие семьи основывалось на производстве водки и прочих дистиллятов на заводе в Бикбарде, поместном владении, приобретенном семейством в 1810 году.¹⁶ Производство водки государство отдало на откуп плативших ему дань региональных монополий. Такой монополией в Перми и ее окрестностях обладали Дягилевы, и это составляло основу их благополучия.

В первой половине XIX века положение Дягилевых в Перми и ее окрестностях росло и укреплялось, они стали одной из богатейших и наиболее влиятельных семей в губернии. Постоянный доход, получаемый от винокурен, давал им возможность интеллектуального роста и укрепления своего авторитета в обществе, и со временем Дягилевы обратили свои взоры на Петербург, этот эпицентр общественной жизни царской России, где было доступно практически всё: власть, высшее образование, искусство, развлечения и комфорт – никакого сравнения с забытым богом Уралом.

Испытанным способом застолбить себе место в столичной иерархии было поступление на службу в царскую армию. Так Дягилевы, подобно очень многим другим семьям из провинции, завоевали себе положение в быстро развивающейся столице. Род Дягилевых своими успехами был обязан в первую очередь дедушке Сергея Павлу Дмитриевичу. Он первым в семье сделал карьеру военного, отличился на полях сражений в разных войнах и в конце концов получил высокий пост в Министерстве финансов. После увольнения со службы он возвратился в Пермь, перестроил и расширил водочный завод в Бикбарде. В 1851 году он приобрел вторую винокурню в селе Николаевском⁶ и велел возвести там большую церковь. Некоторые из его детей, в том числе отец Сергея, остались в Петербурге. У семьи был особняк в столице, на роскошной Фурштатской улице. Бабка Дягилева, которая терпеть не могла провинциальную жизнь, жила там еще много лет после того, как ее муж возвратился в Пермь. В Перми Павел Дмитриевич занялся религиозной и культурной благотворительностью, он возглавил строительство Камско-Березовского монастыря в нескольких десятках километров от города и был вторым по значению спонсором при закладке в Перми оперного театра⁷.

Дед Сергея пользовался репутацией очень верующего человека. О его религиозности рассказывают разные фантастические истории, большинство из которых не заслуживает доверия, как, например, тот случай, когда однажды, в пылу религиозного экстаза, он якобы проглотил несколько деревянных крестов.¹⁷ Как бы то ни было, но дед Дягилева безусловно был блестящим, энергичным, предприимчивым и очень ярким человеком, во многих отношениях опередившим свое время. Когда в 1861 году было отменено крепостное право, Павел Дмитриевич «в честь освобождения крестьян» инициировал строительство Воскресенской церкви в центре города⁸. Впрочем, у самих Дягилевых крепостных не было, чем отчасти, возможно, объясняется их радость по поводу реформы. Через два года Александр II либерализовал также систему

¹⁶ *Субботин Е. П., Дылдин В. А.* Дягилевы в Перми: Памятные места. Пермь, 2003. Автор благодарен Олегу Брезгину за информацию об этой книге.

¹⁷ Впрочем, Хаскелл рассказывает об этом безо всякой иронии. Цит. по: *Haskell A., Nouvel W.* Diaghileff. His Artistic and Private Life. N. Y., 1935. P. 6.

монополий на водку, ввел водочные акцизы и стал поощрять частную инициативу. Последнее было встречено, пожалуй, с несколько меньшим энтузиазмом.¹⁸ Но в 60-е годы особых проблем у Павла Дмитриевича еще не было, несмотря на то, что постепенно у него стали появляться конкуренты, нацелившие свои взоры на выгодный водочный рынок.

Его собственный успех в жизни был закреплен также тем, что некоторые из его детей вступили в брак с потомками богатых петербургских фамилий. Его дочерям в этом отношении повезло даже больше, чем его сыновьям, поскольку за каждой он отдавал щедрое приданое в 25 тысяч рублей. Две его дочери, Анна и Юлия, вышли за очень высокопоставленных людей, которые в будущем стали одним сенатором, а другой министром. В начале 70-х годов почти все его дети жили в лучших районах Санкт-Петербурга и приобрели благодаря чиновничьей карьере либо службе в армии прочное место в высших эшелонах царского общества.¹⁹ Дягилевы, исконные помещики из Сибири или с Урала, похоже, оптимальным образом воспользовались общественными преобразованиями XIX века, обеспечив себе будущее, сулившее им цивилизованную жизнь в обществе, статус и богатство.

Отец Сергея в каком-то смысле продолжал семейные традиции. Во время службы в армии он превзошел чином отца, но в деловой сфере его успехи были куда скромнее. Павел Павлович был романтиком и гедонистом и точно так же, как его отец и сын, – большим знатоком музыки и музыкантом-любителем. В молодости он женился на будущей матери Сергея и продолжал жить вполне беззаботно, считая, что заводы в Перми всегда будут его обеспечивать. Он постоянно влезал в крупные долги, не задумываясь о том, как будет их отдавать.

Незадолго до рождения Сергея сестра Павла Мария Корибут-Кубитович овдовела и переехала к брату вместе со своими тремя детьми, Юрием, Павлом и Натальей. Когда у Павла Павловича умерла жена, ситуация еще больше осложнилась. На его попечении теперь находились четверо детей и сестра, и не было никаких надежд, что он сможет сам зарабатывать деньги. Но в человеческом отношении стало намного легче. Брат и сестра, оба овдовевшие, поддерживали друг друга и твердо решили не расставаться. Когда Павел страдал бессонницей, что случалось довольно часто в первое время после утраты, он совершал с сестрой длительные ночные прогулки по набережным Петербурга, обдуваемым ледяным ветром⁹. Кроме того, Марии можно было доверить воспитание и материнскую заботу о Сергее. С той поры берет начало дружба Сергея с его двоюродным братом Павлом (Павкой) Корибутом, который уже никогда не оставлял Дягилева и был единственным среди его родственников, кто присутствовал на его похоронах. Отец Дягилева получил квартиру в Петербурге в офицерской казарме на Шпалерной улице, и там всегда оставалась его сестра с двумя детьми, если ему надо было уезжать по делам армии. Шпалерная находилась в новом, дорогом и престижном районе Петербурга, где проживала элита буржуазного сословия. Его старшая сестра жила неподалеку на Фурштатской улице, в двух шагах от их родового особняка.

Анна, или, как ее все называли, Нона, была на одиннадцать лет старше Павла и представляла собой в России своего рода знаменитость – она долгие годы боролась за права женщин и заботилась о бедных. Типичная представительница поколения шестидесятников, она была человеком либеральных взглядов, при этом пореформенно настроенная и социально активная. Замужем она была за Владимиром Философовым, генеральным прокурором Военного суда, членом Императорского совета, и считалась доверенным лицом у царя Александра II. Самой большой ее заслугой было то, что ее стараниями женщины в Петербурге с 1870 года получили право на высшее образование, а через несколько лет были даже созданы специальные высшие

¹⁸ Об истории производства водки в России и о реформе 1863 г.: см. *Похлебкин В. В.* История водки. Новосибирск, 1994. С. 197.

¹⁹ См. подробнее биографии Павла Дмитриевича и его детей в «Родословной Дягилевых», приложении к книге Дягилевой Е. В. «Семейная запись о Дягилевых». СПб., 1998.

женские курсы. Похоже, что отчасти личные качества Анны Философовой, а именно редкое сочетание гордости, присущей высшим классам общества, с либеральной прогрессивностью, проявились и в других членах семьи, хотя, конечно, об особой эмоциональной связи между старшей сестрой и всеми остальными детьми в семье, среди которых был и будущий отец Дягилева, говорить не приходится.

Но какими бы ни были нюансы взаимоотношений, Павел вряд ли чувствовал себя одиноким в Петербурге: с ним в одном доме жила его сестра Мария, а сестра Анна – буквально за углом. В воспоминаниях его второй жены Павел предстает человеком веселым, энергичным, беззаботным и никогда не унывающим, привязанным к домашнему очагу. Похоже, он не слишком сосредоточивался на деньгах, ведь у семьи был большой дом в Перми и поместье в Бикбарде с винокурнями, продолжавшими приносить доход. Философовы, родственники Дягилевых, также были весьма состоятельной семьей.

Прожив несколько лет в столице, Дягилевы и Философовы сильно оторвались от своих пермских провинциальных корней и стали настоящими петербуржцами. Как и многие другие представители поместного дворянства, перебравшиеся в столицу, они стали вести образ жизни, близкий к буржуазному. Их старые патриархальные привычки отчасти уступили место профессионализму и буржуазному самораскрытию. Внутренние интересы семей концентрировались на искусстве, образовании и путешествиях, что считалось первостепенным для развития кругозора, повышения социального статуса и качества жизни. Именно такие люди, как Дягилевы, небольшая, но быстро растущая группа городских купцов и промышленников, с одной стороны, и эмансипированное дворянство – с другой, были движущей силой того культурного подъема, который России предстояло пережить на рубеже веков и который отразился на всей европейской культуре в целом.

Спустя несколько месяцев после смерти жены Павел Дягилев снова стал участвовать в жизни общества. Его регулярно направляли в места расположения войск вдоль Варшавской железной дороги. Однажды в поезде он познакомился с семьей Панаевых из Петергофа, пригорода, расположенного в нескольких километрах от Петербурга и знаменитого своим дворцовым ансамблем. Своих троих детей родители нарекли Ахиллесом, Платоном и Еленой. Панаевы приглашали Павла Дягилева на балы, которые они устраивали, а потом он и просто стал бывать у них дома. Молодых людей у Панаевых принимали неохотно, поскольку мрачноватый хозяин дома очень хорошо понимал, что все они – лишь «искатели богатых невест». Но, как писала Елена:

«Дягилев стал рассказывать анекдоты, его окружили, поднялся смех. Потом он сел за пианино и запел цыганские и русские песни. Валерьян Александрович всегда очень любил их [...] Он разошелся, потребовал какую-то арию, в которой певец взял верхнее *«ut»*²⁰ [...] Таким образом Павел Павлович совершил бессознательно неожиданную и трудную победу, благодаря своему тенору и своей веселости»¹⁰.

Павла стали приглашать на вокальные вечера. Через некоторое время ему предложили участвовать в постановке небольшой оперы, одну из ролей в которой должна была сыграть Елена. В доме Панаевых Павла Дягилева выделили и решили помочь зарождавшейся любви.

Начались совместные репетиции, спевки и инсценировки, и уже через несколько месяцев было объявлено о помолвке. Получив от Павла предложение, Елена была счастлива и согласилась, но в качестве условия оговорила вначале познакомить ее с Сережей Дягилевым, которому на тот момент было около трех лет. Через двенадцать лет она написала об этом так:

²⁰ Нота до (лат.).

«Как я помню маленького Сережу двенадцать лет назад [...] Я хотела непременно увидеть тебя перед свадьбой. Ты был для меня почти вопросом жизни и смерти, так как я решила втайне, что, несмотря на любовь мою к твоему отцу, я не выйду за него, если не почувствую, что могу горячо любить и тебя [...] По мере приближения к Романщине, мной постепенно овладевало мучительное волнение, которое дошло до невыносимого, когда мы стали подъезжать к дому. Конечно, конечно, я никогда в жизни не забуду этих минут. Издали я увидела, что на крыльце стоят, ждут нас. Мы подкатили [...] Тут стояла Мариша и держала на руках ребенка в ярко-синем платье с матросским воротником, украшенном золотыми якорями. Это был ты – ты маленький, беспомощный мальчуган, который держал мою судьбу в своих ручонках.

Я проговорила только: «Это Сережа...» – и с трепетом, со страхом протянула тебе руки. Вдруг совершилось чудо [...] Я тогда приняла это за чудо, за ответ Бога на мои мучительные вопросы к Нему, и теперь думаю все так же. Это было чудо.

Не остановившись ни секунды перед совершенно не знакомым тебе лицом, ты протянул ко мне свои ручки, потянулся весь ко мне, и когда я, пораженная, приняла тебя от Мариши, ты обнял шею мою обеими ручками крепко, крепко, и головку свою прижал к моей щеке.

С этой минуты ты сделался моим. Я отдала тебе свое первое материнское чувство»¹¹.

Свадьба состоялась 14 октября 1874 года. На ней присутствовало больше двухсот гостей, включая весь кавалергардский полк Павла. После свадьбы молодая семья, в лице Павла, Елены и Сергея, поселилась в Санкт-Петербурге, в казарме гвардейской кавалерии на Галерной улице. Мария со своими детьми переехала на квартиру, расположенную менее чем в нескольких сотнях метров на углу Фурштатской и Воскресенской улиц, после чего обе семьи продолжали тесно общаться и виделись каждый день¹².

Елена Дягилева окружила своих троих детей заботой и любовью (через девять месяцев после свадьбы появился второй сын, Валентин, а еще через три года – третий, Юрий). Ничто не говорит о том, что она каким-то образом выделяла своих родных детей за счет Сергея. Похоже, даже напротив, первенец Павла всегда был ее любимцем. Елена привила всем детям большую любовь и уважение к искусству. Ее мемуары не свидетельствуют о том, что она была тонким знатоком искусства, но дают уникальную возможность почувствовать обстановку, в которой рос Дягилев. Сама Елена предстает на этих страницах женщиной мечтательной, добросердечной, любящей, с большим почтением относящейся к интеллектуальным авторитетам. Ее наиболее характерная черта – это, пожалуй, поразительный оптимизм: любые неудачи она отменяла, либо напрочь забывала о них, либо просто их не замечала. Но какой бы сильной она ни казалась, в отношениях с жизнью она была натурой скорее романтической, полной идеализма, с поэтическими струнками и горячим сердцем. Она отличалась полным непониманием всего того, что связано с предпринимательством и материализмом. Именно эта черта в большой степени роднила ее с мужем.

Елена Валерьяновна Дягилева

Впрочем, это не означало, что она не была строгой и не предъявляла к детям высоких требований. По мнению Вальтера (или Валечки) Нувеля, близкого друга Дягилева в более поздние годы, именно ей Сергей был обязан своей исключительной силой воли, что составляло его наиболее выдающуюся черту: «Он мне часто говорил, что его мать (иначе он ее и не называл)

приучила его никогда не пользоваться словами: я не могу. “Эту фразу ты должен забыть, – говорила она ему, – когда хотят – всегда могут”¹³».

Сергей Дягилев с мачехой

В своих мемуарах Елена Дягилева описала первое Рождество, которое обе семьи отмечали вместе:

«Мне хотелось непременно, чтобы Сережа не подозревал даже приготовлений к ёлке, и это отлично удалось. Ему сказали, что в гостиной открыты форточки и потому туда нельзя ходить. Когда же свечи были зажжены, двери открыли и Сережа вошел в гостиную, я забежала вперед, чтобы видеть его вход и проследить за первым его впечатлением. Как сейчас вижу его фигурку в синем костюмчике, со штанишками по колено, в коротеньких носочках, в туфельках, с выпяченным вперед животиком и заложенными за спину ручками. В такой позе он остановился почти на самом пороге, серьезно оглянул сверкающую огнями ёлку, бросил быстрый взгляд на игрушки, расставленные кругом нее, и спокойно произнес: “Недурно”»¹⁴.

Павлу Дягилеву приходилось теперь содержать большую семью с тремя своими детьми и взять на себя, по крайней мере отчасти, заботы о сестре Марии и ее трех детях. Зимой Дягилевы проводили в Санкт-Петербурге или за границей, а на лето уезжали в свое семейное поместье в Бикбарде, находившееся от Перми более чем в трехстах километрах. Там собирались вместе все родственники (порой более пятидесяти человек), музицировали, разыгрывали любительские спектакли, читали стихи, ели и пили.

Дягилевы жили примерно похоже и в Петербурге, и в Бикбарде, то есть на широкую ногу: они ездили в длительные поездки, содержали слуг (по меньшей мере гувернантку, няню, кухарку и лакея), а также имели под рукой немного странного домашнего доктора, в обязанности которого входило следить за здоровьем Сергея. Елена считала, что этот врач обладает «даром говорить правду, не запугивая».

«С первого же раза, как мы обратились к нему по поводу какого-то пустяшного заболевания Сережи, он предупредил меня, что этого ребенка нужно вести осторожно, особенно до семи лет [...] Эмилий Федорович советовал мне задерживать развитие, так как рассказы мои о Сережиной пытливости и наблюдательности не нравились ему. Когда же я на это спрашивала, что же мне делать, он говорил: “Просто не отвечайте на его вопросы [...] Прибегайте к способу отмалчивания [...] Это гораздо лучше, чем сочинять что-нибудь или путаться в объяснениях”»¹⁵.

Однако расходы на содержание врача и прислуги, а также на поездки и праздники просто невозможно было компенсировать за счет средств, которые Павел получал от винокуренных заводов. В армии почти ничего не платили. Елена пишет, что за всю свою службу в армии Павел лишь раз получил жалованье в размере трех рублей. Благодаря своим связям он, разумеется, мог рассчитывать на чиновничью карьеру, но вначале этого не хотел. Он любил повторять, что за карьерой гоняются одни лишь немцы.

Финансовые проблемы Дягилевых стали усугубляться с 1878 года, в итоге это заставило семью вернуться назад в Пермь, подальше от требовательного и чересчур дорогого Петербурга. Конкретные причины наслонившихся финансовых неурядиц ясны не полностью. В конце 70-х годов дед Павел Дмитриевич попал в серьезные финансовые затруднения, поскольку делал щедрые пожертвования на благотворительность, а доходы от винокуренных заводов резко снизились. Прибыльность заводов подрывали также конкуренты из другого крупного уральского города – Екатеринбурга. В 1878 году Павел Дягилев сделал попытку объявить себя несостоятельным и таким образом уйти от долгов, но суд отказался подтвердить его банкротство¹⁶.

В результате осложнений в Перми у Павла Павловича возникли также проблемы с его кредиторами в Петербурге. Было принято решение уехать из Петербурга и снова поселиться в Перми, поскольку жизнь в столице и вращение в столичном обществе стали слишком

дороги. Несомненно, приняли во внимание и соображение о том, что большим кланом прожить дешевле. Возможно, надеялись также, что теперь, когда отец Павла состарился и уже не в состоянии правильно реагировать на новую ситуацию на рынке, Павел начнет более внимательно следить за делами чахнувшего семейного предприятия. Впрочем, отъезд несколько раз откладывался. Первый раз из-за рождения третьего сына, Юрия, затем из-за трудностей получения официального назначения на военную службу в Пермь. Но когда наконец все устроилось (Павел получил чин в пехотном полку в Перми, что означало ужасное понижение), настало время сделать решительный шаг.

Летом 1879 года для Павла Дягилева еще раз блеснул луч надежды. Его шурина Петра Паренсова неожиданно назначили русским военным министром в Болгарию. Возникла мысль, что он может взять с собой Павла в качестве начальника гвардейской кавалерии. В ожидании этого предложения Павел еще раз обратился к своим кредиторам с просьбой предоставить ему отсрочку платежей. Но когда Паренсов не выполнил своих обещаний и все надежды рухнули, семье не осталось ничего иного, как отправиться в далекий, угрюмый край у подножия Урала¹⁷.

С 1879 года Дягилевы снова обосновались в Перми и стали считать заблуждением свое стремление закрепиться и пустить корни в Петербурге.

II

Плоды просвещения 1879–1890

«Солнце Европы восходит в Перми», – любят повторять жители этого города, расположенного на самой восточной окраине Европейского континента. Пермь была административным центром территории, по площади примерно равной двум Голландиям, но население ее было незначительным. Город имел всего несколько улиц с каменными домами в стиле неоклассицизма – с помощью таких фасадов Екатерина II старалась придать более презентабельный вид крупным губернским городам. Промышленность была развита слабо, нефть, благодаря которой город сегодня живет относительно благополучно, еще не была найдена.

Основой экономики этих «ворот в Сибирь» служили транспорт и торговля. Одним из перевозимых товаров служили заключенные. Практически любой заключенный, отправляемый через просторы Российской империи в Сибирь, проходил через городские ворота Перми. Бабушка Дягилева часто говорила о Перми так: «Кроме арестантов в кандалах тут никого не видно»¹. Большой контраст с кипучим, стремительно меняющимся Петербургом даже трудно себе представить.

Путешествие из столицы в Пермь (1400 км по прямой, то есть расстояние примерно как от Амстердама до Неаполя) длилось несколько дней. На поезде можно было добраться лишь до Нижнего Новгорода, находящегося примерно в пятистах километрах от Москвы. Дальше надо было плыть пароходом по Волге и Каме до Перми. По словам двоюродного брата Дягилева Павла Корибута, несколько раз проехавшего вместе с Дягилевым по этому маршруту, дорога каждый раз превращалась в восхитительное волнующее приключение. «Дягилев на всю жизнь запомнил величественные берега рек, холмы, леса, поля, пашни, провинциальные городишки и старинные города Нижний и Казань»². Так с ранних лет Дягилев привыкал к длинным поездкам.

Столовая Дягилевых в Перми

О том, что они не всегда были в радость для семилетнего Сережи, мы можем узнать, ознакомившись с первым из его сохранившихся письменных документов. Это письмо он написал своему отцу в том же 1879 году во время их гораздо более короткой поездки в Курск, где жили родственники его матери:

«Дорогой папа, здоров ли ты, мама была всегда весела и довольна, я был пайка и потому она еще более была весела. В Курске уже соловьи поют. Мне было так скучно что я не вытерпел и заплакал в вагоне. Целую тебя крепко крепко и поцелуй за меня всех твоих родных. Сережа Дягилев»³.

В Перми семья Павла заняла старый дом на Сибирской улице, где до этого жил дед Дягилевых. Сергей переболел скарлатиной и дифтерией. Единственный врач жил почти за сто километров, но он приезжал и лечил Сережу. Вскоре Павел вновь отбыл в Петербург для дальнейших переговоров со своими кредиторами.

Положение в обществе, которое занимали Дягилевы в Перми, было несопоставимо с положением семьи в Петербурге. Здесь они жили как короли, несмотря на все их финансовые проблемы. Дворянство в городе было немногочисленным, городская элита (если можно ее так назвать) состояла преимущественно из купцов. Старый дом стал семейной штаб-квартирой. Он был расположен на центральном проспекте города, по которому водили заключенных. По дороге в ссылку и декабристы, и Достоевский проходили, гремя цепями, мимо дома Дягилевых. В этом доме было ровно двадцать комнат.²¹ Из прислуги постоянно проживали лишь гувернантка и няня Дуня. Для детей оборудовали специальную классную комнату.

Семья старалась возобновить в Перми жизнь, заполненную музыкой, похожую на ту, что она вела в Петербурге. Живя в столице, Елена и Павел устраивали по четвергам раз в две недели музыкальные вечера. Душой этих «четвергов» была сестра Елены Александра (по про-

²¹ Валентин Дягилев, когда ему было 13 лет, нарисовал план дома. На нем обозначено 20 комнат. См.: Дягилева Е. В. Указ. соч. С. 285. Павел Корибут, цитируемый в воспоминаниях С. Лифаря, ошибается, когда говорит о 30 комнатах.

звизи Татуся) Панаева-Карцева, прославленная певица, часто выступавшая во Франции и Италии. Среди почитателей ее таланта был Петр Ильич Чайковский, он посвятил ей цикл романсов (опус 47).²² Татуся была замужем за племянником композитора, таким образом, Дягилевы и Чайковские породнились. Дягилевы всегда называли Чайковского «дядя Петя». Позже Дягилев любил рассказывать в своем кругу, как он несколько раз бывал в поместье Чайковского в Клину⁴. В воспоминаниях Елены об этих поездках ничего не сказано, но наверняка известно, что Дягилев был хорошо знаком с двумя младшими братьями Чайковского, близнецами Модестом и Анатолием.²³

Также Дягилев сообщает, что в детстве он несколько раз видел Мусоргского, – тот принимал постоянное участие в «четвергах».²⁴ Мусоргского при жизни практически никто не воспринимал всерьез как композитора, в том числе и Дягилевы. С. П. Дягилев писал:

«В детстве тетушка моя, чудная певица А. В. Панаева-Карцева, правнучка идеалиста В. И. Панаева, приказывала: “Сегодня я пою, не забудьте послать за Мусоргским” – он ей аккомпанировал, конечно, не свою музыку, и получал за это 25 рублей в вечер. Это “не забудьте послать за Мусоргским” осталось у меня в ушах на всю жизнь»⁵.

И пускай Дягилевым не хватило прогрессивности и дальновидности, чтобы понять талант Мусоргского, нельзя не признать, что в их доме в Санкт-Петербурге страстно любили музыку и серьезно ею занимались. Они ставили сцены из опер Чайковского («Опричник»), Глинки («Жизнь за царя»), Гуно («Фауст»), хорошо знали Вагнера⁶. Все это может показаться не особенно примечательным, однако достижения Дягилевых на поприще искусства, несомненно любительского характера, предстают совершенно в ином свете, если мы вспомним, что профессиональная музыкальная культура в России в то время была еще мало развита. Трудно было отыскать партитуры, приходилось самостоятельно переписывать и аранжировать партии. Кроме того, Дягилевы часто брались за новый, необычный репертуар, мало кем исполняемый. Постановка «Опричника» у Дягилевых состоялась через два года после премьеры оперы, «Фауст» в их доме впервые прозвучал на французском языке (премьера на русском прошла за два года до этого в Мариинском императорском оперном театре).²⁵ Гуно и Чайковский всю жизнь оставались любимыми композиторами Дягилева.²⁶

В Перми Дягилевы попытались вдохнуть новую жизнь в угасающие музыкальные вечера Дворянского собрания, как бы возрождая петербургские «четверги». Дядя Дягилева, Иван, известный виолончелист, был назначен руководителем небольшого оркестра, хормейстером стал Эдуард Эдуардович Деннемарк, по происхождению немец. Домашний учитель Дягилевых, он преподавал немецкий в мужской гимназии.

²² Тетя Татуся, скорее всего, знала также Антона Рубинштейна, Ф. М. Достоевского и Федора Стравинского, знаменитого баса из Императорских театров, однако все же больше известного в качестве отца своего гениального сына. Приводится по: Дягилева Е. В. Указ. соч. С. 260.

²³ Об этом, в частности, говорится в воспоминаниях Брониславы Нижинской. Приводится по: *Nijinska B. Early memoirs*. P. 396–403.

²⁴ Воспоминание Дягилева о его встречах с Чайковским воспроизводит С. Лифарь, а не Д. Философов, как утверждает Ричард Бакл. Приводится по: *Лифарь С. С.* 21.

²⁵ С Федором Стравинским в роли Мефистофеля. Приводится по: *Walsh, 2000*. P. 9.

²⁶ Преклонение Дягилева перед Чайковским общеизвестно. В своей статье «Дягилев, которого я знал» Стравинский пишет о его преклонении перед Гуно. Приводится по: *Варуц В. П. И. Стравинский – публицист и собеседник*. М., 1988. С.165.

Юрий, Сергей и Валентин Дягилевы

Как и в Петербурге, исполнялось очень много оперных арий, в основном по-итальянски (Верди) и по-русски (обычно Чайковский и Глинка). Практически все авторы воспоминаний указывают, что отец Дягилева был горячим поклонником Глинки и знал наизусть целиком всю оперу «Руслан и Людмила». По словам одноклассника Дягилева, «дом Дягилевых был одним из самых блестящих и культурных в Перми. Это были настоящие пермские Афины»⁷.

Дягилев в гимназической форме

Сергей с ранних лет учился игре на фортепиано и занимался вокалом, проявляя выдающиеся способности к музыке. Он также пробовал себя в композиции. Его первым серьезным опытом сочинения был романс в подражание Глинке «Ты помнишь ли, Мария?», который пятнадцатилетний мальчик написал по случаю годовщины свадьбы своих родителей. Каллиграфически переписанную партитуру этого романса мать Дягилева сберегла, благодаря чему она сохранилась, единственная из всего написанного Дягилевым-композитором.

Увлечение искусством играло большую роль в жизни Дягилевых, как и в жизни многих других семейств дворянского сословия. В косном царистском обществе участие в политике и в других формах общественной жизни было под запретом или строго регламентировано. Занятия искусствами служили способом заявить о себе в обществе (а порой и в политике), раскрепоститься, а также давали семьям возможность занять свою нишу в обществе, не расшатывая при этом его устоев. В России, где образованные люди жили порой достаточно изолированно

друг от друга из-за больших расстояний и затяжных зим, искусство служило важным источником развлечения в повседневной жизни.

Мемуары, в которых описывается жизнь семьи в Бикбарде, а также письма из Бикбарды в Пермь воссоздают теплую творческую атмосферу долгих летних дней в селении у подножия Урала. В Бикбарде находились завод, один каменный и несколько деревянных домов, принадлежавших семейству, среди которых знаменитый дом с верандой, который подробно описывает Елена Дягилева:

«Никогда и нигде, кроме своего воображения, я не видела такого балкона, как бикбардинский. Настоящие террасы, сооруженные из земли и камня, на которых разбиваются цветники, устраиваются фонтаны [...] Наш же балкон был обыкновенный: российский, деревянный, с колоннами, под крышей; тянулся вдоль всего южного фасада одноэтажного деревянного дома и даже дальше фасада, так как кончался большой ротондой, целиком выступавшей за угол дома и за решетку сада на дорогу, идущую вдоль оврага. За оврагом – завод, деревня и безбрежная, как море, лесная даль. На ротонде пили обыкновенно вечерний чай, смотрели на закат солнца [...] Часть балкона, с противоположного от ротонды конца, служила летом столовой, и в ней свободно садилось за стол до пятидесяти человек»⁸.

К востоку простиралось озеро в несколько квадратных километров, куда дети ходили летом купаться. Оно находилось у подножия холма, с которого можно было обозреть всю окрестность. Очень в дягилевском духе его называли Парнасом. Семья построила в селе церковь, которую во времена социализма переделали в кинотеатр, а при капитализме – в дискотеку, сейчас она служит лишь гнездовьем для ворон.

Отец Сергея приезжал всего на несколько недель в разгар лета. Иногда дети ходили на прогулки без матери, только с няней и с домашним учителем. Бабушка и дядя Ваня (Иван Дягилев) жили в Бикбарде постоянно. Сергей часто писал из Бикбарды своим родителям в Пермь:

«Милая мама, я напишу тебе как я провел вчерашний день. Как ты уехала, мы пошли в комнаты, я пошел в буфет выпить. Потом пришел и стал играть в мячик, потом я пошел в спальню твою разговаривать с Кокой, сел на кушетке, где играл Линчик. Потом я пошел в нашу комнату, навел в нашей комнате порядок. Потом принесли молоко, мы выпили его, немного подождали и легли спать»⁹.

«Мы сегодня идем гулять все[...] За завтраком нам подали очень вкусный холодный розбиф с желе, притом был очень вкусный квас. Дядя Ваня сказал: “Ах, Алена, ах, Алена, жаль, что ее нет, покушала бы”, я пожалел тоже. Когда розбиф дали Линчику, он сказал: “Ах, какие испанские кусочки”, а бабушка спросила: “Отчего испанские?”, он говорит: “Потому что все испанцы тоненькие, так же как эти кусочки, а толстые только немцы, например новый пивовар”. Все очень расхохотались. После розбифа подавали говядину с хреном, Линчик ужасно много взял на кусок говядины хрена и очень сморщился. Тогда дядя Ваня сказал: “А! А! Узнаешь, где раки зимуют!” После этого бабушка рассказала очень-очень смешной анекдот про раков»¹⁰.

«Вчера мы все поехали кататься, приезжаем, смотрим, в воротах стоит дядя Кока. Мы все закричали ура! Тетя Таля хотела выйти из экипажа, а лошади дернули и она упала с тарантаса, но она только немножко ушиблась. На другой день как ты уехала, Тата была нездорова, но теперь поправилась

и кланяется тебе, София Лукинична тебе целует ножку, а Лина целует тебе ручку с браслетом, и целует также всю тетю Татусю. Он велел ей сказать, что он каждый день принимает лекарства. Юра тебя целует миллион миллионов раз. А я тебя целую один раз, но крепче в триллион раз всех предыдущих, вместе взятых.

Твой Сергун, черноглазый пятачок, сын твоего сердца, 11-тилетняя деда, твой дружок Сережа.

Все очень целуем тетю Татусю»¹¹.

Все письма Сергея из Бикбарды, а также воспоминания его мачехи свидетельствуют об огромном, ни с чем не сравнимом поклонении искусству в семье. Музыка, литература и театр не просто занимали центральное место в воспитании, но и служили сплачивающим элементом.

В Бикбарде из церковных певчих и членов семьи Дягилевых организовался хор, который, разумеется, исполнял «Жизнь за царя» Глинки. Отца дьякона, не имевшего права участвовать в светском хоре, но обладавшего красивым басом, уговорили петь, «спрятавшись от публики за соснами»¹².

Дети ставили сценки, декламировали стихи, играли на музыкальных инструментах.

«На другой день после твоего отъезда, – пишет Дягилев своей мачехе, – у нас был театр – Спящая Красавица, я был принц, который целовал руку красавицы и она просыпалась. Этот театр нам доставил удовольствие большое»¹³.

«Вчера, 27 июля мы устроили для бабушки концерт [...] Сезя говорил басни Крылова: “Свинья под дубом” и “Лебедь, рак да щука”, и играли в четыре руки Marche Solennelle,²⁷ который, впрочем, он ужасно не хотел играть [...] Marche Solennelle шел плоховато, потому что Сезя не захотел ни разу репетировать его. Но его игра была стушевана блестящей игрой Лины, который играл соло “Веселый Крестьянин” comme un pianiste²⁸ наизусть и с большим чувством, толком и, даже с маленькой остановкой. Кроме этого Линчик исполнил “Воздушный корабль” Лермонтова. Дждж исполнил “Что ты ржешь, мой конь ретивый”. С большим также чувством, толком и громадными остановками, во время которых он сопел и мычал. Затем я играл с М [Monsieur²⁹] Нуссбаумом в четыре руки “Песни без слов” Мендельсона, потом одну-две вещи из тех нот, которые ты мне прислала. Всем нам страшно аплодировали и меня заставляли играть соло два раза. [...] Бабушка меня страшно балует: выписывает одну книгу за другою. Недавно я кончил читать “Князя Серебряного”, а теперь уже читаю “Иванго”³⁰ в которое вливаюсь не менее, чем в “Князя Серебряного”.

Ну, милая мамочка, теперь уж ты не можешь написать, что я тебе мало пишу: я тебе, кажется, все до мельчайшей подробности написал. Ах, впрочем нет: у Мурки родились дети, такие же миленькие, как и она сама; их пять, но двух пришлось выбросить в реку, потому что она может кормить только трех. По вечерам я читаю бабушке, Сезе и Лине вслух: “Ревизор”, над которым, особенно Сезя, страшно смеется. Но довольно. Братья, Кика и бабушка тебя

---

²⁷ Торжественный марш (фр.).

²⁸ Как настоящий пианист (фр.).

²⁹ Месье (фр.).

³⁰ Имеется в виду «Айвенго» В. Скотта. (Прим. пер.)

крепко целуют, а я еще крепче целую тебя и папу в лобик, щечки, а папу еще и в усики. Сережа»¹⁴.

В Пермской мужской гимназии, в которой учился Дягилев, культурная жизнь кипела ничуть не меньше. 4 февраля 1888 года Сергей играл в школе вальс Шопена и пьесу Рубинштейна, также он исполнил несколько популярных романсов. Школьный товарищ Сергея Дягилева, тот самый, который называл дом Дягилевых «пермскими Афинами», вспоминает:

«Это был не по летам крупный, рослый мальчик, с выдающейся по размерам головой и выразительным лицом. Не по летам и несоответственно с классом он был образован и развит. Он знал о вещах, о которых мы, его сверстники и одноклассники, никакого понятия не имели: о русской и иностранной литературе, о театре, музыке. Он свободно и хорошо говорил по-французски и по-немецки, музицировал. С внешней стороны он также сильно от нас отличался. У него была изысканная, изящная внешность, что-то барственное во всей фигуре. К нему, в противоположность всем нам, необыкновенно подходило слово “барич”.

У Сережи Дягилева была милая, забавная манера, также к нему шедшая и как бы дополнявшая, дорисовывающая его изящную фигурку: при разговоре постоянно встряхивать рукой и в такт прищелкивать пальцами. Несомненно, это прищелкивание заимствовано было у кого-то из взрослых с склонностью к позе и картинным жестам. Изящная поза тогда уже отвечала характеру мальчика [...]

В класс он приходил совершенно не подготовленным к урокам и тотчас же начинал их приготовление при участии лучших учеников. Никто в помощи ему не отказывал, а когда наступал урок и его вдруг “вызывали”, то начиналась усердная помощь “подсказываниями”, усердными знаками и т. д. Во время письменных уроков он исправно получал записочки и шпаргалки.

Благодаря этой помощи и своей ловкости, изворотливости, отчасти апломбу, из всех критических положений Сережа Дягилев выходил обыкновенно полным победителем. Нужно сказать, что и учителя ему во всем содействовали. Большинство из них являлись посетителями дома Дягилевых, пользовались там вниманием и гостеприимством любезных и просвещенных хозяев»¹⁵.

В старших классах гимназии его занятия музыкой становятся интенсивнее. Он сочиняет несколько оперных сцен на сюжет пушкинской драмы «Борис Годунов» и берет частные уроки фортепиано, впрочем, последнее его не слишком увлекает. Благодаря природной беглости пальцев он легко справляется с техническими трудностями. «Особенно он любил играть с листа и делал это с большой легкостью, – писал в более поздние годы его друг Вальтер Нувель. – Именно благодаря этому он заложил основы знания музыкальной литературы, как классической, так и современной»¹⁶. 7 февраля 1890 года Сергей выступал с сольным концертом, исполняя первую часть Allegro фортепианного концерта Шумана. Это было первое публичное выступление Дягилева, о котором написали газеты¹⁷.

Семья Дягилевых. Слева направо: Валентин, Павел Павлович, Юрий, Елена, Сергей

В Перми Дягилев был всеобщим кумиром. Но ничего удивительного, что в Санкт-Петербурге, куда он, разумеется, поехал учиться после окончания гимназии, ему встретилось куда больше препятствий, и он быстро растерял свои привилегии. Неудивительно также, что в свой первый год жизни в Петербурге он писал матери:

«Так часто я со слезами в горле вспоминаю гимназию, особенно ее последние годы. Конечно, я не хотел бы, чтобы они снова вернулись, но все-

таки в воспоминаниях о гимназии у меня осталось столько родного, чего-то такого, что, я уверен, уже не повторится»¹⁸.

Жизнь семьи Дягилевых кажется особенно мирной на фоне жизни России в те годы – как на улицах, так и в политике господствовали насилие и террор.

В результате взрыва бомбы 1 марта 1881 года на Екатерининском канале в Петербурге был убит царь Александр II. Это временно приостановило серию террористических акций, которые терзали общество начиная с 1878 года. При первом покушении на царя террористам удалось пронести взрывчатку в Зимний дворец, и взрыв прогремел в столовой зале. Покушение не достигло цели лишь потому, что царь неожиданно задержался.

Когда стало известно о гибели царя, на площадь перед Зимним дворцом стал стекаться народ. Все упали на колени, и, когда над воротами подняли императорский флаг, по площади прокатились рыдания¹⁹.

После убийства царя в стране было объявлено чрезвычайное положение (что фактически превращало Россию в полицейское государство вплоть до революции 1917 года). Но уже с 1878 года, в ответ на первые террористические акты, были приняты меры, в результате которых невероятно усилился контроль над обществом со стороны полиции и Охранного отделения. Покушения готовила террористическая организация «Народная Воля». Вряд ли в ней было более двадцати активных участников. Тем не менее власти прилагали колоссальные усилия для подавления террористической угрозы. Службы безопасности, именно в силу своей некомпетентности и низкой эффективности, добивались все больших юридических полномочий и выделения все более и более значительных сумм из государственной казны. Тайная полиция разрослась и превратилась в самостоятельную силу в русском обществе, не намеренную считаться с существующей иерархией и укладом общественной жизни.

Ничто не может проиллюстрировать это лучше, чем арест Анны Философовой-Дягилевой – знаменитой «тети Ноны», которая, кстати сказать, была супругой члена Государственного совета, и последовавшая за тем ее высылка за границу – за ее политические подрывные высказывания²⁰.

Анна (Нона) Философова была очень влиятельной активисткой в борьбе за женские права, поставившей себе цель «дать женщинам возможность идти независимым путем в выборе профессии и таким образом получать независимый статус, как моральный, так и материальный»²¹. Она была чрезвычайно деятельной и настроенной по-боевому, читала лекции, проводила диспуты, писала петиции и вообще проводила активную работу с представительницами как дворянского круга, так и крестьянского сословия. Она переписывалась с людьми из верхов и низов, с соратниками и с противниками, в том числе с Джоном Стюартом Миллем, чью работу «Порабощение женщин», изданную в 1869 году, она очень высоко ценила. Наибольших результатов она добилась в области женского образования. В начале 70-х вместе со своей единомышленницей Марией Трубниковой она организовала женские курсы в Москве, Санкт-Петербурге и некоторых провинциальных городах. По мнению Ричарда Стайтса, благодаря ее усилиям Россия получила высшее образование для женщин, «равного которому по качеству и разнообразию специальностей не было в Европе»²². Невероятная вещь для страны, известной своим патриархальным строем, в которой даже дворянство до 1800 года по большей части оставалось неграмотным!

Философова была типичной представительницей поколения 50–60-х годов, периода многообещающих, но порой хаотичных творческих тенденций в русском обществе, для многих имевших драматические последствия. Средоточием этих тенденций была небольшая группа прогрессивно мыслящих, идеалистически настроенных активных интеллектуалов, прилагавших немалые силы для того, чтобы превратить Россию в более цивилизованную, на их взгляд, более развитую и справедливую страну. Порой они добивались поразительных результатов (как

в случае с Философовой), но порой натывались на типичную для подавляющей части населения России косность. В основном их идеалы были практически неосуществимы и совершенно не отвечали подлинным нуждам людей, ради которых они старались. Их комплексы и разочарование по этому поводу стали одной из важнейших предпосылок возникновения в России радикального движения. Террористы, убившие Александра II, сделали это, руководствуясь в принципе теми же идеями, что и Философова и ее подруги по феминистскому движению.

Подъем волны терроризма и убийство Александра II привели к перелому в развитии русского общества. Сложившееся в 70-х и 80-х годах поколение, типичным представителем которого был Дягилев, оказалось диаметрально противоположным по духу поколению шестидесятников. Отчасти это объяснялось усилившимся давлением со стороны властей, но также их исконным отвращением к идеализму предшествующего поколения. Очень характерно, что Владимир Стасов, один из важнейших духовных лидеров «прогрессистов», входивший в число близких друзей тети Ноны, со временем превратился в злейшего врага Дягилева. Но до этого в начале 80-х было еще далеко.

В отличие от Философовых, Дягилевы чувствовали, что либеральные реформы могут угрожать их сложившимся интересам, и, несомненно, по этой причине пермская семья была настроена не столь прогрессивно, как Философовы, хотя в целом и те и другие придерживались одних и тех же политических и общественных идеалов. Высылка в 1878 году тети Ноны за границу, должно быть, шокировала семью не меньше, чем убийство царя три года спустя. Но благодаря заступничеству друзей вскоре после вступления на престол Александра III Философовой разрешили вернуться в Санкт-Петербург с определенной оговоркой со стороны властей относительно того, что политический пыл ей придется умерить.

В конце 80-х годов Дягилев прочитал роман Гончарова «Обрыв», в котором автор сделал амбициозную, хоть и не до конца удавшуюся попытку отразить все русское общество целиком, как в политическом, так и в социологическом плане. Сергей рассуждает об этом в трех длинных письмах, адресованных матери, которые проливают свет на некоторые взгляды семьи на политику. Дягилев выражает большую симпатию нигилисту Марку, изображенному в романе:

«Об Марке я забыл тебе в прошлый раз написать. И боюсь, что мое мнение будет слишком неверным. Это умный человек, но нигилист, и мне кажется, что нельзя говорить, что все нигилисты глупые люди (об этом сильно спорили с тетей и теперь дядя Боб меня иногда называет либералом и думает, что я нигилист, но ты знаешь меня, родная моя)»²³.

Как и его мачеха, Дягилев, похоже, имел склонность к драматизму в политике и к ее театральной стороне, его также не оставлял равнодушным пафос либералов. Однако, судя по некоторым реакциям, которые описывает Сергей, можно судить о том, что, сколь бы прогрессивной ни была его семья, она была настроена резко против левого радикализма.

Переписка между матерью и сыном по мере взросления Сергея становится все теплее и доверительнее. Даже когда Сергей узнает от отца, что Елена не является его родной матерью, это ничего между ними не меняет. Письмо, которое мачеха Сергея написала ему после этого разговора, характеризует ее как женщину очень впечатлительную, необыкновенно привязанную к Сергею, при этом склонную к театральности.

«Сергунчик мой! Для тебя и для меня наступила вчера новая эра: ты вышел из-под моей опеки и поступил под мужской надзор отца, а я простилась с твоим детством. Пришло то время, о котором я всегда со страхом думала, но которое все-таки всегда казалось мне таким далеким: время, когда сын начнет сознавать в себе мужчину. Этим сознанием он переступил в себе порог, у которого я должна остановиться. Вчерашний разговор с отцом совершил окончательный перелом. Разговор этот ты не забудешь никогда, я думаю,

потому что он произвел на тебя сильное впечатление. Это был первый разговор твой, Сережа, при котором я не могла присутствовать. Значит – кончено [...] Моя роль в твоём воспитании завершена»²⁴.

Отношения Дягилева с отцом были непростые. Павел, похоже, мало занимался воспитанием детей, а если и делал это, то на старомодный манер. Сохранилась масса писем Сергея, адресованных матери, и не больше десяти его писем к отцу, к тому же все они довольно поверхностные. По словам Вальтера Нувеля, их отношения друг к другу были безразличными.

Впрочем, когда Сергею исполнилось семнадцать лет, Павел Дягилев вдруг вмешался в воспитание сына. Он решил, что Сергею пора расстаться с невинностью, и отвел его к проститутке, что было довольно распространенным явлением в дворянской среде. До отмены крепостного права для этого обычно привлекали крепостных крестьянок (и традиция эта продолжалась еще некоторое время на селе), затем подобная миссия была возложена на официальных городских проституток. Этот обычай описан рядом русских писателей (в том числе Л. Толстым и Л. Андреевым). Тургенев рассказывал братьям Гонкур, что как-то раз к нему подошла молодая крестьяночка, подосланная его матерью.

«Начался дождь. Я гулял в саду. Вдруг я увидел идущую ко мне девочку. Она взяла меня – заметьте, я был ее хозяин, она моя раба – сзади за шею и сказала “Пошли!”. Что было потом, через это мы все прошли. Но то первое ее нежное прикосновение к моим волосам пронзает меня ощущением счастья всякий раз, когда я об этом вспоминаю»²⁵.

Говорят, что даже Игорь Стравинский в 20-х годах прошлого века водил своих сыновей-подростков к французским проституткам, с тем чтобы те научили их любви.³¹

Для молодого Дягилева, который, несомненно, уже в юном возрасте осознавал свое сексуальное тяготение к мужчинам, эта отцовская затея, несомненно, должна была показаться болезненной и унижительной. Вероятно, это был первый и последний случай, когда он делил свое ложе с женщиной. По иронии судьбы, он вдобавок заразился при этом венерической болезнью.³²

По словам Сергея Лифаря, который был его последним «premiere danseur»³³ и одним из его биографов, инцидент с проституткой лежит в истоке порой непростых отношений Дягилева с женщинами. Последнее, впрочем, маловероятно. Дягилев был способен на сердечные, эмоциональные отношения с женщинами, но это всегда были женщины, такие как его близкая подруга Мисиа Серт и балерина Тамара Карсавина, очень ему преданные и в известной степени его почитавшие. В этом стремлении к общению с преданными ему женщинами можно скорее увидеть проекцию отношений Дягилева с женщинами его юности – с мачехой и няней. Характер этих отношений основывался на той патриархальной роли, которая отводилась в семье старшему сыну.

В этом также сказывается двойственность освободительного либерализма Дягилевых, с одной стороны, и их патриархальных привычек – с другой, что проявлялось в воспитании старшего сына и в обращении с прислугой.

Второй близкой женщиной в окружении Сергея была его няня. Она ухаживала за ним и воспитывала его первые годы после смерти его матери, до того как Павел вторично женился, и даже после продолжала играть важную роль в его воспитании. Когда Дягилев поехал учиться

³¹ Об этом рассказывал Николай Набоков Элмеру Шёнбергеру. Приводится по: *Schönberger Elmer*. Het gebroken oog. Amsterdam, 2005. P. 354.

³² Рассказ об этом случае принадлежит Лифарю, в том числе и сведения о заражении. Приводится по: *Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым. М., 1994. С. 33.

³³ «Первый танцовщик» (*фр.*), то есть исполнитель главных партий.

в Санкт-Петербург, она отправилась вместе с ним, жила на его квартире и заботилась о его хозяйстве.

В России считалось, что слуги не имеют права на личную жизнь, их абсолютная преданность хозяевам воспринималась как данность, как нечто само собой разумеющееся. Слуга Дягилева Василий Зуиков ездил с ним по всему миру, а после смерти Дягилева остался совершенно один. По возрасту они были примерно ровесниками, Василий служил Дягилеву с начала 90-х годов. Он всегда жил у него, несмотря на то, что был женат и имел сына. По свидетельству Вальтера Нувеля, Василий был очень привязан к своему хозяину, всегда держался уважительно и сдержанно. Без тени иронии Нувель добавляет, что Василий и няня были «непрерывными атрибутами жизни Дягилева»²⁶. В деле управления помещьем и заводом влияние прогрессивных идей особо не проявлялось. Отец Дягилева старался как можно меньше вмешиваться в дела завода, предоставляя это своему управляющему, некоему Афанасию Павловичу Эскину. Дед Дягилева выдал генеральную доверенность на управление помещьем этому человеку еще в 1879 году, после неудачной попытки объявления себя несостоятельным²⁷. Вернувшись в Пермь в том же году, Павел Дягилев имел возможность взять управление в свои руки, но практически оставил всё в руках Эскина. После смерти деда Дягилева в 1883 году все состояние унаследовала его жена, бабка Сергея. Эскин по-прежнему оставался единственным поверенным. С согласия братьев, Иван Дягилев (дядя Ваня) стал хозяином всего помещья, но управляющим оставил Эскина²⁸.

То, что Дягилевы не имели ни малейшего представления о том, что творится в их хозяйстве, для всех стало ясно уже на следующий год. Елена Дягилева делает запись в своей записной книжке в 1884 году: «С 4-го на 5-е февраля ночью Эскин совершает самоубийство, предварительно зарезав еще четырех человек. Смерть его обнаруживает большую запутанность в делах. Крупные затруднения»²⁹. 8 февраля заметка об этом появилась в «Пермских губернских ведомостях». Эскин, как сообщалось, в состоянии аффекта заколол кинжалом свою сестру и двух братьев, после чего смертельно ранил себя и жену. Через несколько дней оба скончались от ран³⁰. В заметке было высказано предположение, что все убийства были совершены в припадке сумасшествия. Об этих убийствах писали в течение еще двух недель, однако никаких новых фактов не прибавилось.³⁴ Дягилевы сумели скрыть свои отношения с Эскиным и смогли сделать так, чтобы ничего не просочилось в газеты, однако печальных последствий его управления скрыть было нельзя: Павел Павлович должен был срочно заплатить 50 тысяч рублей. Это была невероятно крупная сумма. То, что Павел Павлович все-таки сумел ее заплатить, свидетельствует о богатстве Дягилевых и их высоком социальном статусе (а также о том, что они, похоже, по-прежнему пользовались доверием кредиторов).

В очень подробных мемуарах Елены Дягилевой об этих четырех убийствах больше упоминаний нет. Но какова была их предыстория? Какое влияние оказали эти события на жизнь помещья и деятельность заводов? Знали ли дети о случившемся и если знали, то как реагировали? В те дни убийство не было редкостью в Перми. Любой интересующийся, взяв в руки газету за 1882 год, может узнать о все новых и новых убийствах и «насильственных смертях». Так, не прошло и месяца после кровавой драмы, как в газете сообщили о том, что перед домом Дягилевых обнаружен труп молодого человека³¹. Вероятно, он насмерть замерз в состоянии сильного алкогольного опьянения. Похоже, дети с ранних лет слышали о насильственной смерти, но убийство четырех человек, совершенное Эскиным, все равно было чем-то из ряда вон выходящим и ужасным. Сергей наверняка был в курсе дел, ведь весьма вероятно, что он хорошо знал Эскина и его семью, но какая-либо дальнейшая информация об этом отсутствует.

³⁴ Об этих убийствах писала газета «Пермские губернские ведомости» в 13, 15 и 19-м номерах.

Так же мало известно и о том, как все это отразилось на делах. Составляли ли сумму в 50 тысяч рублей только долги Эскина или сюда входили деньги, заплаченные в виде взяток (скажем, для того, чтобы имя Дягилевых не появилось в газетах)? Павел, конечно, не мог полностью заплатить все эти деньги, не влезая в новые долги. Нужно было искать какой-то выход. Примерно через год после убийства он закладывает на пятилетний срок все свое состояние (фабрики и все дома с движимым имуществом), заключив договор со своим прямым конкурентом Альфонсом Поклевским-Козелл³².

Условия договора, который Павел заключил с Поклевским-Козелл, были очень просты: Павел обязывался возвратить в течение пяти лет всю сумму в 125 тысяч рублей, в противном случае его дом подлежал продаже.

Все чаще Елена пишет в своем дневнике о новых и новых долговых обязательствах Павла, а к концу 1889 года ситуация становится и вовсе безнадежной. 23 мая 1890 года Поклевский-Козелл обращается в суд с требованием о распродаже имущества Павла на открытых торгах³³. Отцу Дягилева дают последнюю отсрочку на четыре месяца для погашения всех долгов.

III

Взлет и падение

1890–1891

Несмотря на события в Бикбарде, принявшие в скором времени фатальный оборот, Сергей после выпускных экзаменов отправился в столицу поступать на юридический факультет. Затем он поехал погостить в Богдановское, поместье Философовых под Псковом, где впервые встретил юношу, которому суждено было стать его первой любовью. Его звали Дмитрий – Дима Философов, и он был сыном Анны Философовой. Родители двоюродных братьев уже некоторое время переписывались между собой. Они решили отправить их в совместный «гран тур» – длительную поездку по крупным городам Европы, как это было принято в дворянских семьях. После возвращения молодые люди, опять-таки вместе, должны были приняться за освоение юридической науки.

На самом деле для представителей аристократии существовало лишь два способа продвижения по общественной лестнице и укрепления своего положения в обществе: это служба в армии (как это было в случае с отцом и дедом Дягилева) либо чиновничья карьера. Сергей не был создан для армии, и поэтому решили (вероятно, без долгих обсуждений), что государственная служба подойдет ему гораздо больше. Юридическое образование служило для этого наилучшей основой. Есть основания предположить, что в свои восемнадцать Сергей представлял себя в своей будущей взрослой жизни кем угодно, только не государственным чиновником, но все прочие варианты были столь же мало привлекательны. Государственная служба гарантировала официальный статус, связи, разные привилегии и доход либо, по крайней мере, налоговые льготы. Ее не чурались даже те, кто проявлял склонность к артистической деятельности. Многие композиторы, которыми восхищался Дягилев, такие как Мусоргский, Римский-Корсаков, Кюи, Бородин, в первую очередь состояли на государственных должностях или служили в армии, что не мешало развитию их художественных дарований.

Путешествие, к которому готовились в Богдановском Сергей и Дима, было задумано как последний глоток свободы, вслед за которым юношей ждали первые шаги по пути избранной профессии. Атмосфера, царившая в поместье Философовых, очень напоминала атмосферу в Бикбарде, при этом Богдановское было не просто семейным поместьем. Оно располагалось гораздо ближе к столице, и съезжались туда не только родственники, но и многочисленные друзья, знакомые, коллеги и единомышленники. Друг Дмитрия Александр Бенуа, нередко посещавший Богдановское, оставил яркое описание жизни в этом поместье:

«Веселились же у Философовых часто и по всякому поводу. Собиралась масса народу – старого и молодого; какие-то генералы, адмиралы и сановники засаживались за карты с почтенными дамами; кузены и кузены кузенов (а то и дяди помоложе) тут же дурачились, как малые дети, играли в “маленькие игры”, спорили, разыгрывали шарады. Почти всегда это переходило в танцы, и в таких случаях в самой просторной комнате в квартире, в почтенном, чуть мрачном кабинете члена Государственного совета ставилось пианино (обыкновенно находившееся в Диминой комнате), и я или Валечка лихо разыгрывали наш “салонный репертуар”: вальсы, польки, мазурки, кадрили. Меньше мы любили, когда Анна Павловна заставляла знаменитого адвоката Герарда говорить стихи. Его специальностью был Альфред де Мюссе, но то,

как он, не без аффектации, произносил французские слова, вызывало в нас – слушателях – мучительные припадки едва подавляемого смеха»¹.

Внешне Дмитрий был полной противоположностью артистичному, веселому, чувственному и порой грубоватому Дягилеву. Философов был рациональным, флегматичным молодым человеком аналитического склада ума, с саркастической жилкой. Стройный, элегантный, часто болезненный, порой высокомерный, при этом сугубо городской, благородного происхождения.³⁵ Как пишет В. В. Розанов в «Мимолетном», «Рожденный “в праздности и лени”, всегда, “как денди лондонский одет”, он, естественно, стал эстетом, почитал Оскара Уайльда и готов был носить “большой подсолнечник”»². Философова отличала любовь к литературе, он признавал за собой писательский дар. Несомненно, общаясь с Философовым, Дягилев многое узнал о литературе. Тому, в свою очередь, очень помогала музыкальная эрудиция Дягилева. Сергей черпал у Дмитрия знания в области театра. В старших классах гимназии Философов вел тетрадь, в которую записывал увиденные спектакли. За год до выпускных экзаменов в этой тетради значилось 59 спектаклей, в том числе спектакли Мейнингенского театра,³⁶ приезжавшего на гастроли в Санкт-Петербург в 1885 и в 1890 годах и оказавшего столь заметное влияние на Станиславского.

Двоюродные братья сразу нашли общий язык. «Большую часть времени провожу с Димой, – писал Дягилев мачехе. – Много болтаем, он очень умный и интересный. Мы с ним во многих вещах сходимся»³. Философов с Дягилевым стали любовниками, но, когда в точности это произошло, неизвестно, скорее всего, уже после их поездки.³⁷

Александр Бенуа дает понять, что Дмитрий уже в гимназии вступал в гомосексуальные отношения с некоторыми из своих соучеников, особенно с будущим художником Константином, или Костей, Сомовым, которому предстояло занять важное место в кругу Дягилева⁴. В дальнейшем Дмитрий стал серьезным публицистом и специализировался в основном на философских и литературно-критических вопросах. Его более поздние эссе написаны скрупулезно, без каких-либо смелых выводов – довольно сухие, но всегда продуманные, они были не лишены глубины. Такая сухость и скрупулезность характерна и для ранних его работ, включая дневники, – в отличие от писем Дягилева, всегда эмоциональных, полных грамматических неточностей и гипербол, чуть ли не истерических в своей театральности. В общем, удивительно, как эти два юноши могли сойтись.

Об их совместном путешествии многое известно, поскольку оба оставили о нем обширные свидетельства: Дягилев в переписке с мачехой, Философов – в своем дневнике. Вот как Дмитрий описывает приезд Дягилева в поместье: «В конце июня прибыл Сергей. Шумный, жизнерадостный. Он внес в Богдановское “дягилевский элемент”. Сережа быстро завоевал общие симпатии. Провоцировал маму, и она хохотала до упаду. Сережа сам гоготал, обнажая свои крепкие зубы. Любопытно было отношение папы к Сереже. Он с ним говорил мало, наблюдал. Но каждый раз, когда Сережа гоготал, смеялся сам и говорил: “удивительно милый у него смех”»⁵.

Заразительность смеха Дягилева отмечали многие. «Каждый раз, – пишет Бенуа, – когда он смеялся, вся “внутренность” его “пасти” раскрывалась “настежь”. Смеялся же Сережа по

³⁵ Довольно точную характеристику Д. Философова дает Хаскелл. Приводится по: *Haskell*. P. 22.

³⁶ Мейнингенский театр – немецкий театр. Существовал с конца XVIII в. в Мейнингене, столице Саксен-Мейнингенского герцогства. Получил мировую известность в 60–90-х гг. XIX в. (*Прим. пер.*)

³⁷ То, что Дягилев с Философовым были любовниками, всеми принимается безоговорочно, но существует не так уж много источников, которые бы прямо доказывали это. Дягилев всего лишь раз упомянул в разговоре с Игорем Маркевичем о своем романе с Философовым. Приводится по: *Buckle*, 1979. P. 545. № 33. А. Бенуа тоже лишь однажды обмолвился о том, что взаимоотношения между Философовым и Дягилевым основывались не только на дружбе. Приводится по: *Бенуа*, 1980. Т. 2. С. 364.

каждому поводу»⁶. Много лет спустя Жан Кокто сравнил улыбку Дягилева с оскалом «юного крокодила»⁷.

По дороге домой в Санкт-Петербург они заехали на могилу Пушкина, что было совсем недалеко от Богдановского. Дягилев «с неподдельным благоговением снял шапку и поклонился ей»⁸. В Петербурге они сели на поезд в Варшаву, чтобы оттуда ехать дальше в Вену. Как описал затем в своих записках Дмитрий, в дороге только и делали, что хохотали.

Несмотря на серьезные проблемы с деньгами, Дягилевы дали сыну в дорогу 1000 рублей, в то время как гораздо более состоятельные Философовы ограничились суммой в два раза меньшей⁹.

В Вене Сергей впервые посетил оперный театр. В Венской опере восемнадцатилетние юноши слушают «Свадьбу Фигаро» Моцарта, «Севильского цирюльника» Россини, вагнеровских «Лоэнгрина» и «Летучего голландца», а также вердиевскую «Аиду». Сергей в первый раз в своей жизни смотрит балет – «Die Puppenfee».³⁸ «Мамочка, не смейся надо мной, что я всем восхищаюсь, право, это все восхитительно!»¹⁰

Затем друзья едут в Триест, где проводят несколько дней. После этого плывут на пароходе в Венецию. Прибыв на место, Дягилев пишет матери первое письмо из города, которому предстоит играть столь важную роль в его жизни:

«В первый день мы гондолы ещё не брали, а ходили, где можно, пешком. Взяли гида и шлепали по всему городу. Забирались между прочим на башню Святого Марка. Только вечером, так как была чудная луна, мы отправились кататься [...] Тут только я понял, действительно, в какое волшебное царство я попал. Ты ведь меня понимаешь! Тому, кто не был в Венеции, описать невозможно всех ее волшебств[...]»¹¹

Следующий день мы посвятили на осматривание церквей и дворцов, все замечательно красиво, богато, но удивительно мертво и безжизненно. Жара была адская, вообще Венеция производит странное впечатление: иногда она до того красива, что хоть ложись и умирай, а иногда до того мрачна и вонюча, что хоть вон беги. В общем, это чудный, но несколько тоскливый городок»¹².

Они посещают театр Ла Фениче. «Вечером мы отправились в оперу, давали “Миньону”. Опера нам не понравилась: во первых – скверный театр, а во вторых кроме двух-трех слушать невозможно. Мы зевали, зевали да и поехали к себе на Grand Canal,³⁹ не дождавсь конца»¹³.

На следующее утро Дягилев прочел в газете, что знаменитый баритон Антонио Котоньи дает концерт в городке Рекоаро, в восьми часах езды от Венеции. Дягилев один (Дима ехать с ним отказался) поспешил в Рекоаро и даже купил билет на концерт. Дмитрий тем временем отправился в Милан.

«Котоньи пел так изумительно хорошо, – пишет он матери, – что я чуть на шею ему не бросился. Я положительно не понимаю, как может человек в 60 лет так чудно петь и обладать еще такими средствами. После концерта я поехал сейчас же обратно. Пришлось ехать в горах три часа на лошадях. Я нанял фиакр и отправился, но тут разразилась такая гроза в горах, что я трепетал, как осиновый лист. Господи, какие страсти – гроза высоко в горах! Кое-как добрались до станции и в 2 часа дня я уже был в Милане. Оказалось, что

---

³⁸ «Фея кукол», одноактный балет на музыку Й. Байера. (Прим. пер.)

³⁹ См. примечание к «Введению».

Дима осмотрел уже Милан и 3 часа тому назад уехал в *Belagio*.⁴⁰ Я отправился наскоро посмотреть Милан и погнался за ним вдогонку»¹⁴.

Как бы ни поражали усилия, предпринятые Дягилевым, чтобы послушать певца, еще удивительнее то, что он, до своей поездки не знавший как следует театр, был осведомлен о Котоньи⁴¹ и был готов на все, чтобы его услышать. И то, что Котоньи через несколько лет выберет в качестве места жительства Санкт-Петербург и возьмет Дягилева себе в ученики по вокалу, принадлежит к числу тех странных случайностей, которых, похоже, было немало в жизни этого человека.

В Падуе на Сергея сильное впечатление произвело величие церквей и католического богослужения. После посещения католической мессы по святому Франциску он напишет матери: «Господи, какая прелесть! Вообще, мама, есть опасность, что я перехожу в католичество»¹⁵.

Дягилев очень мало пишет об искусстве Венеции и Падуи, хотя, конечно, оно не могло не произвести на него впечатления. До этого юный выпускник гимназии видел не так много образцов высокого искусства. Ни музея, ни какой-либо выдающейся художественной коллекции, частной или государственной, в Перми не было. Стены старого дома на Сибирской улице украшало несколько картин местных художников, у отца Дягилева была также коллекция репродукций гравюр, в том числе Рембрандта и Рафаэля¹⁶. Впрочем, значение этого факта не стоит преувеличивать – до своего приезда в Венецию Дягилев, человек, которому суждено было задать генеральную линию развития русского изобразительного искусства и стать одним из наиболее значительных его историков, почти не сталкивался с выдающимися образцами искусства.

Примерно в начале августа Дягилев приезжает в Белладжо. 6-го или 7-го числа он получает от матери письмо. Само это письмо утрачено, но его текст легко восстанавливается. В нем содержались новости, которых все ждали и боялись. Последние надежды Серезиноного отца рухнули, и банкротство стало неминуемым. В ответном письме матери Дягилев пишет:

«Милая моя, как ни тяжело и ни грустно то, что ты пишешь обо всех делах, скандалах и неприятностях, все было бы еще ничего и обо всем можно было бы не так жалеть, если бы ты не писала, как все это отражается на милом, родном, единственном папе. Так хочется обнять его крепко-крепко, и уверить его, что я так сильно чувствую, так сильно люблю его и так благословляю его, чтобы [...] помочь ему, милому, хорошему. Право, мама, при всем моем, как ты говоришь, эгоизме, у меня так много к нему какой-то безотчетной любви, она иногда может быть скрывается, но всегда есть и никогда не перестает быть и отражать в себе все, что он переживает»¹⁷.

Из Белладжо они на пароме переправляются в Меджиано, оттуда едут в Лугано и оказываются на озере Лаго-Маджоре. Затем на лошадях они перебираются через Симплон⁴² и попадают на Женевское озеро. Остановившись в Веве, «в деревне», они оттуда ездят в Женеву. Поначалу они собираются провести в Женеве всего несколько часов, но потом принимают решение остаться на пару дней ради музыкального конкурса, в котором будет участвовать десять тысяч музыкантов. Из Женевы они через Интерлакен едут в Люцерн, где встречают Сомовых и другие русские семьи, проводившие там лето.

---

⁴⁰ Белладжо – город в Италии. (Прим. пер.)

⁴¹ Баритон Антонио Котоньи (1831–1918) был одним из величайших итальянских певцов золотого века бельканто. Он участвовал в премьерах опер Доницетти и Беллини, но больше всего прославился своими партиями в операх Верди, над которыми он работал вместе с самим композитором. В дальнейшем он стал знаменитым оперным педагогом. Среди его учеников – Беньямино Джильи и Джакомо Лаури-Вольпи.

⁴² Симплон – высокогорный перевал в Альпах, соединяющий населенные пункты в Швейцарии и Италии. (Прим. пер.)

Прожив неделю в Люцерне, они на экипаже едут через Цюрих, Базель и Страсбург во Франкфурт. В Париж решают не заезжать. Сергей намерен ехать в Берлин через Прагу, Лейпциг и Дрезден, но в итоге братья садятся во Франкфурте на поезд в Берлин. Как пишет Философов, «ездили мы крайне скромно, в 3-ем классе, только на дальние расстояния во 2-м, ели раз в день, предпочитая хранить оставшиеся деньги на оперу»¹⁸. Берлин показался Сергею «ужасной дырой», а опера – «сверх ожидания ужасной гадостью»¹⁹.

Из Берлина через Варшаву они возвратились назад и прибыли в Петербург где-то в конце августа.

Дягилев писал маме, что собирается в Пермь сразу после своего возвращения, но она, скорее всего, посоветовала ему задержаться на какое-то время в Петербурге. Размах приближающегося несчастья становился все понятней. 7 октября 1890 года «Пермские губернские новости» опубликовали следующую заметку: «Девятого октября 1890 решением Пермского уездного суда полковник Павел Павлович Дягилев признан и объявлен несостоятельным должником не торгового звания»²⁰.

На все движимое и недвижимое имущество, находящееся в ведении департамента, был наложен арест. Также было опубликовано обращение к прочим кредиторам и ко всем, чье имущество могло оказаться заложенным этим несостоятельным должником.⁴³

В следующие после публикации дни все имущество Павла Павловича, а также двух его братьев (которых он втянул в банкротство) распродавали по частям на публичной распродаже. Дом в Перми, поместье и завод в Бикбарде, рояли, предметы искусства, зеркала, коляска – всё пошло с молотка. Каждой публичной распродаже, а всего их было шесть, предшествовала публикация инвентарных списков в «Пермских губернских ведомостях». Стоимость имущества до начала аукционов была оценена в 143 296 рублей, но, скорее всего, выручили меньшую сумму. Все имущество в Бикбарде перешло к семье Поклевских-Козелл, завод в Николаевском купил крестьянин Сибиряков²¹.

Ехать в Пермь, по крайней мере в тот момент, было немыслимо: в один миг все детство и юность Дягилева обратились в дым. Вскоре было принято решение о его переезде к Философовым – родственники обещали помочь ему при поступлении в университет.

Реакция Дягилевых на постигшее их несчастье была в целом спокойной. Елена Дягилева в своих мемуарах обмолвилась о потере состояния всего парой фраз, да и в письмах Дягилева об этом встречается всего лишь несколько скупых упоминаний. Поместье, заводы и большой дом пошли с молотка, родители жили у знакомых, а Сергей в письме к матери интересовался погодой, спрашивал, началось ли катание на коньках и сварила ли няня варенье²². Такое хладнокровие перед лицом разорения останется характерной чертой Дягилева на всю его жизнь.⁴⁴

Как Дягилевы выживали в Перми, не совсем понятно. Единственное положительное следствие банкротства заключалось в том, что Павел Дягилев наконец избавился от своих долгов. Впрочем, целиком без средств семья не осталась – скорее всего, ее поддерживали родственники из Санкт-Петербурга. Возможно, помогали также Философовы, Панаевы и Коробуты. Не исключено, что часть имущества не попала на распродажу. Какая-то доля семейного состояния в любом случае осталась неприкосновенной: наследство родной матери Сергея, которое принадлежало ему лично и, таким образом, не числилось имуществом отца. Так воз-

⁴³ Илья Зильберштейн был первым во всей литературе о Дягилеве, кто написал о банкротстве его семьи и о распродаже имущества. Приводится по: *Зильберштейн, Самков*. Т. 2. С. 338. Прим. 22.

⁴⁴ Никто из писавших биографические заметки о Дягилеве ни словом не обмолвился о банкротстве семьи. Об этом никогда не упоминал Сергей Лифарь, который, скорее всего, был в курсе дела. Александр Бенуа и Вальтер Нувель, наверняка знавшие об этом, тоже молчали. Но абсолютно невероятно, чтобы такую вещь можно было скрыть в тесном дружеском кругу. Как явствует из письма, в котором Сергей описывает свой визит к Толстому (см. главу 5), даже старый писатель знал о банкротстве Дягилевых.

ника удивительная ситуация, когда юноша, которому едва исполнилось восемнадцать лет, остался единственным членом семьи, располагавшим какими-то средствами. Так или иначе, сложившаяся ситуация мобилизовала родственников. Пусть кто-то мог назвать Дягилевых обанкротившимися производителями водки из глубинки, они оставались членами небольшого, но сплоченного клана поместного дворянства. Не прошло и полугода, как заговорили о новом армейском назначении Павла Дягилева, и он мог даже рассчитывать на повышение. В чине генерал-майора ему предстояло взять на себя командование полком, который был расквартирован в Петергофе, пригороде с дворцовым комплексом неподалеку от Санкт-Петербурга. Но для двух младших братьев Сергея перспектив не оставалось. Денег на образование для Валентина и Юрия не было, теперь они могли только пойти на службу в армию. Поэтому их тоже отправили в Петербург, где их ждал кавалергардский полк, тот, в котором раньше служил их отец.

Было решено, что Сергей какое-то время поживет у Философовых. Он провел целый год в их доме на престижной Галерной улице, где они жили в одной комнате с двоюродным братом и, как он писал мачехе, «крепко подружились»²³.

Почти год спустя, то есть летом 1891 года, он в последний раз в своей жизни приедет в Пермь. На борту парохода «Михаил», который направлялся в Казань, он читал «Короли в изгнании» Альфонса Доде и находил в этой книге параллели со своей собственной жизнью: «Мы ведь тоже своего рода *Les rois en exil*⁴⁵»²⁴.

---

⁴⁵ «Короли в изгнании» (*фр.*) – роман А. Доде.

IV

Студенческие годы: Валентин, Юрий, Павка и Дима 1891–1893

За свое положение в высших слоях петербургского общества Дягилеву пришлось бороться. В «Великосветском ежегоднике» значилось примерно 7500 дворянских фамилий, среди которых были и Дягилевы. Банкротства известных лиц ни для кого не оставались тайной, и нетрудно предположить, что все знали о ситуации в семье. Дягилев стремился удерживать позиции с помощью Философовых, пытаясь как можно скорее войти в права наследства матери.

Похоже, осенью 1891 года ему это удалось. Дягилев снял для себя пятикомнатную квартиру на Галерной улице, в доме номер 28¹. Его братья Валентин и Юрий служили в столице в разных полках и жили в свободное от службы время у старшего брата. Также старая няня, для которой после разорения места в семье уже не оставалось, переехала из Перми в Санкт-Петербург и поселилась у Дягилева. Имея неопределенный доход в виде материнского наследства, он должен был теперь содержать четырех человек и отвечать за воспитание братьев. Младшему, Юрию, когда он переехал к брату Сергею, исполнилось всего тринадцать. Чтобы несколько сократить расходы, Дягилев пригласил сокурсника Мишу Андреева переехать жить к ним. Неопределенность финансового положения Сергея была связана, видимо, не только с тем, что непросто было оформить на себя на выгодных условиях разные статьи наследства. С Евреиновыми, родственниками родной матери, он ладил неважно, при этом ряд финансовых вопросов должен был решать с ними.⁴⁶

---

⁴⁶ О том, что Дягилев находил мало общего с родственниками своей покойной матери, можно узнать из письма В. Нувеля Хаскеллу от 15 января 1935 г. Приводится по: ФК. Инв. № 1993-А.1328.

Дягилев – студент университета

Мачехе, переживавшей из-за того, что ей пришлось рано предоставить самостоятельность своим юным сыновьям, он регулярно сообщает в письмах об их жизни и успехах. Он всегда находит нужные слова, чтобы ее успокоить, но иногда пишет, не скрывая, о своих денежных затруднениях. Младшие братья тоже пишут матери, которую они ласково зовут Лепус.⁴⁷ Один раз Дягилев признался, что они голодают.

Через несколько месяцев ситуация более-менее наладилась, и он даже начал что-то откладывать. Тогда же, как мы видим из переписки, он стал довольно регулярно посылать деньги родителям. Какой-то системы в его управлении финансами не прослеживается: то он

---

⁴⁷ Lepus (лат.) – заяц.

тратит значительные суммы, то в доме нет денег даже на еду. Подобное отношение к деньгам останется характерным для Дягилева в течение всей его жизни.

Он пишет мачехе:

«Я же с няней иногда подвоеываю. Особенно ее любимый мотив нападков на меня – это из-за братьев. Что у них нет отдельной комнаты, что я экономя на завтраке, когда они приходят, и пр. А между тем на днях, когда они были у нас, по совету няни с Мишей были сервированы следующие завтраки: 1. Ветчина, 2. Скобленка,⁴⁸ 3. Омлет с сыром, 4. Вареники!

Когда я заметил, что подобные завтраки прямо нездоровы, так как, наевшись их, и мы и дети приходили прямо в животное состояние, и, по крайней мере, три часа после всего этого не можем приняться ни за какую работу, так няня подняла такой шум: что дети неделю голодают, что даже в праздник их нельзя покормить и пр. Я нынче, впрочем, стал гораздо сдержаннее и не принимаю все это так близко к сердцу.

Я стал теперь относиться ко всему спокойнее, не позволяю себе переживать из-за подобных вещей»².

Юрий в свою очередь сообщает матери следующее:

«Сереза за мной ухаживал, как мать, миленький он, добренький. Дорогой Лепус, ты просишь меня беречься, об этом ты уж, пожалуйста, не беспокойся, а положишься вполне на Серезу. Уж он меня раньше, чем следует, не выпустит [...] Надейся на Серезу, как на себя»³.

В первые годы жизни в Петербурге основным кругом общения Дягилева, несомненно, были родственники. Кроме Димы, с которым он виделся почти ежедневно, рядом с ним всегда были его двоюродные братья Павел (Павка) Корибут и Николай Дягилев. Николай был талантливым виолончелистом, Дягилев часто вместе с ним музицировал. Корибут был его давним приятелем, с которым прежде они регулярно проводили лето в Бикбарде.

Но теперь Дягилев жалуется на Павла, и в письмах к мачехе постоянно мелькают такие эпитеты, как «скучный», «досадный», «несимпатичный». Дмитрий относится к нему и того хуже, он открыто выражает свою неприязнь Павке. Но двоюродный брат, внешне очень похожий на Сергея, только взрослее, более полный и медлительный, похоже, относился к тому типу людей, которых ничем не проймешь. На праздники, устраиваемые Дягилевым или Философовым, он являлся без приглашения, как ни в чем не бывало⁴. Бенуа писал о Павле:

«В его ласковости, в его готовности соглашаться и вместе веселиться, а когда нужно, то соболезновать и сокрушаться, – была масса прелести [...] При всем том с Павкой было трудно сойтись по-настоящему. Не то он как-то не допускал до последних тайников своего я, не то он не внушал к себе полного доверия»⁵.

С особой строгостью обвинял Павла в двуличии Дмитрий, и не раз эти обличения принимали бурный характер. Павка же сносил все нападки с «...“чисто христианским” смирением, трогательно оправдывался, чуть что не плакал»⁶.

Дягилев ходил на занятия в университет вместе с Димой. Мачехе он посылал подробные отчеты о своем распорядке дня.

«Как провожу день? – Встаю около 10 часов и иду в университет к одиннадцати. Завтракаю всегда дома и очень часто у нас завтракают товарищи,

---

⁴⁸ Скобленка – блюдо из наскобленных тонкими стружками кусочков мяса или рыбы.

которые заходят к нам из университета. После завтрака или делаю визиты, или хожу в какие-нибудь магазины, или по делам, или читаю, или пою (чаще всего), или играю в 4 руки (очень часто)»⁷.

«Я решил так: (не знаю, понравится ли тебе мое решение) университет посещать вполне аккуратно, слушать там внимательно, комнату свою устроить совсем не роскошно, а только-только, чтобы можно было жить в ней, следовательно, денег на нее не тратить, после ун-та приходить играть, или читать, или, по необходимости, делать визиты, обедать у кого-нибудь (*нрзб*), а все деньги свои тратить на оперу или концерты»⁸.

Через некоторое время он вдруг бросает фразу: «...чудный университет, страшно я его люблю...»⁹ Впрочем, если верить Диме, особого интереса к университету Дягилев не проявлял.

«Гурьбой ходили мы в университет, но, кажется, я единственный принимал его всерьез. Дягилев, Нувель и Бенуа посещали его изредка, по необходимости. Надо же чем-нибудь быть. [...] Для Сережи университет воистину не существовал. Я даже не понимаю, почему он пошел в него. [...] Он с омерзением держал экзамен»¹⁰.

Влияние Дмитрия сказалось на круге чтения Дягилева. По натуре энергичный и своевольный, Дягилев был не особенно рьяным читателем, но в период учебы на начальных курсах он упоминает массу прочитанных им романов и пьес. «Читайте прежде всего Ибсена и Золя»¹¹. «Прочел Метерлинка – хлам. [...] Прочел новую драму Ибсена “Враг народа” – очень интересная вещь. Вообще мы все увлекаемся Ибсеном – очень хороший и интересный писатель. Теперь читаю в одно время новую книгу соч. “La guerre de 1870”⁴⁹. Труд очень интересный, серьезный, над которым надо поработать. Сижу, как офицер генерального штаба, окруженный картами, словарями и пр. И в то же время читаю: “La joie de vivre”⁵⁰»¹². Он много читает Достоевского, Толстого, Мопассана. Характерно, что он отдает предпочтение реалистическим писателям, в то время как романтики, вроде Э. Т. А. Гофмана и Эдгара Аллана По, которыми зачитывались его друзья (и вообще они были очень популярны в ту пору в России), похоже, его не привлекают.

У них с Димой возникает мысль навестить Толстого в Ясной Поляне. Наудачу они едут в Москву, и, к их немалому удивлению, им выпадает возможность встретиться с великим писателем. Они оба были на премьере пьесы Толстого «Плоды просвещения» и чрезвычайно увлеклись писателем. Толстой в 90-х годах XIX века достиг вершин своей славы. Он, единственный среди великих русских романистов второй половины XIX века, еще был жив и имел огромное число почитателей во всем мире, видевших в нем не только художника, но прежде всего религиозного мыслителя и политика. С его авторитетом не мог сравниться ни один церковный, политический или интеллектуальный лидер, и многие утверждали, что он был могущественнее самого царя. Его популярность не ограничивалась пределами России. Толстого читали и обсуждали, о нем говорили повсюду от Южной Африки до Северной Америки.

Этическое и философское учение, которое писатель пропагандировал в своей прозе, пьесах и памфлетах, не могло не оказать влияния на Дягилева, он пытался найти у Толстого ответы на мучившие его вопросы. Несомненно, они были связаны с его переживаниями из-за разлуки

---

⁴⁹ «Война 1870 года» (*фр.*) – роман Гельмута фон Мольтке. (*Прим. пер.*)

⁵⁰ «Радость жизни» (*фр.*) – роман Эмиля Золя. (*Прим. пер.*)

с семьей и той ответственностью, которую накладывала на него забота о его двух младших братьях.⁵¹

Дягилев пишет мачехе длинное письмо, в котором подробно описывает, как прошла встреча с Толстым. Это письмо более продуманно и стилистически выдержано на более высоком уровне, чем его обычная корреспонденция. Очевидно, он долго над ним работал и даже обращался за помощью к Диме.⁵² Письмо, в котором говорится о Толстом, представляет собой важный документ, в нем Дягилев впервые применяет более отточенный стиль, делая попытку придать своему рассказу литературный характер. Подробно описывая интерьер, Дягилев весьма удачно подражает стилистической манере выдающихся русских писателей-реалистов (взять хотя бы эпизод с сапогами, украденными в трактире!). При том что Дягилев и Философов не отделяют главного от второстепенного (это письмо заняло бы целиком больше десяти страниц), они проявляют в описаниях известную педантичность, по крайней мере, когда речь идет об их собственных действиях. Примечательно чистосердечие Дягилева, с которым он признается, что предлог для встречи с Толстым был вымышленным. Зная о благотворительных сборах Толстого, они наспех собрали несколько рублей, только чтобы увидеться с ним. Когда Толстой спросил, что привело их в Москву, они, несмотря на всю любовь и восхищение писателем, просто на ходу что-то придумали. Примечательно также, что они так расстроились из-за студенческих фуражек, которые заметили в прихожей у Толстого. Как бы ни мечтали они поговорить с Толстым, одна мысль, что при этом разговоре могут оказаться какие-то другие студенты недворянского сословия, была для них невыносима. Дягилев применяет особый психологический трюк (к которому он будет прибегать и в дальнейшем), который основывается на убеждении в том, что есть определенный шарм в нарочитой демонстрации своих дурных качеств, таких, скажем, как неискренность и высокомерие.

«...Да, мамочка, мой рассказ идет об одних из самых приятных минут[ах] моей жизни. Я описываю мое знакомство, беседу и переписку с Львом Николаевичем Толстым. В Москве я видел его, говорил с ним и, наконец, писал ему. Весь рассказ записан мною и Димой в день беседы и почти слово в слово будет внесен мною в мой альбом, который называется «Мое знакомство с великими людьми». Ну, слушай, как это было, и переживай со мной пережитое.

Начинаю:

Беседа с Львом Николаевичем Толстым.

В январе 1892 года мне довелось быть в Москве. Ездил я туда с моим двоюродным братом Димой Философовым с целью навестить своего приятеля и сожителя М. Андреева, проводившего святки в Москве у матери. В первый же день по приезде своем в Москву, перечитывая и просматривая газеты, я наткнулся на следующее любопытное замечание: «На прошлом представлении комедии присутствовал сам Л. Н. Толстой, не посещавший театра уже 20 лет. Так как в кассе не было ни одного билета, то Л. Н. сидел с сыном в директорской ложе». Это замечание первое навело меня на мысль, что Лев Николаевич, значит, в Москве и что, может быть, каким-нибудь образом удастся осуществить заветную свою мечту видеть его. Много я думал об этом и долго колебался, каким бы воспользоваться предложением, чтобы повидать его.

⁵¹ Дягилев описал это в своих письмах к Толстому, которые находились в архиве Толстого в Москве, но в настоящее время считаются утерянными. Илья Зильберштейн видел эти письма, но не включил их в свой сборник. Кратко упомянув о них, он пишет, что Дягилев обращался к Толстому в поисках ответа на ряд «трудно разрешимых» вопросов. Приводится по: *Зильберштейн, Самков* 1982. Т. 2. С. 334.

⁵² Автором этого письма несомненно является С. Дягилев. Приводится по: *Зильберштейн, Самков* 1982. Т. 2. С. 335–336. Прим. 3.

Сначала я хотел приехать к нему с одним знакомым, который часто у него бывал по делу о голодающих, но это не устроилось, потому что этот господин вовсе не желал привозить с собой зеваку, желающего взглянуть на великого человека. Положим, мы могли бы поехать к нему одни, я да Дима, и привезти с собой для передачи ему пожертвование на его столовые, но большого привезти мы не могли, а маленькое стыдно было. Мы на время отложили эту мысль. Однажды, когда мы сидели за дневным чаем у Андреевых, разговор зашел на обычную тему о Льве Толстом. Говорили долго, много спорили, и тут-то, как это часто бывает, в один момент во мне и Диме вспыхнуло самое горячее желание во что бы то ни стало видеть его. Недолго думая, мы решили тотчас же, моментально, сию же минуту поехать к Толстому. Ну что же такое, что мы привезем маленькое пожертвование? Ведь на то он и Лев Толстой, чтобы принимать все. Мы встали, раскланялись и поехали. Ехать пришлось долго. Все это совершилось так быстро, что мы не успели опомниться и поэтому всю дорогу упорно молчали, если перебрасывались отдельными фразами, то на французском языке. Мы все время дрожали и злились друг на друга.

Толстой остановился в собственном доме в Хамовниках, отдаленной части города. Часов около 6 вечера мы подъехали к большому, освещенному внутри барского московского типа дому, особняку одноэтажному, с большим мезонином, стоящему частью в саду, частью во дворе [...] Войдя в подъезд, мы вначале хотели позвонить, но двери оказались незапертыми. Мы вошли в переднюю[...] В доме слышно оживление, голоса. На вешалке много шуб, стол перед зеркалом, на котором несколько студенческих фуражек. Это нас немного смутило, мы ужасно не хотели говорить с Толстым при других, а особенно при студентах. Посередине передней стоял лакей во фраке и белых перчатках, проводя кого-то уходившего. Мы спросили его, дома ли Лев Николаевич. “Они дома, только кушать сейчас будут”. – “Да у нас времени-то всего на пять минут”. – “Да уж лучше бы вы пришли часов в 7, тогда они свободны будут, и вы можете сидеть у них сколько угодно”. В это время по лестнице стали спускаться какие-то барышни, должно быть, дочери Л[ьва] [Николаевича]. Мы попятились немножко и вышли с твердым намерением вернуться через час. Возвращаться домой было далеко, ждать на улице – слишком холодно. Извозчик сказал нам, что он “близко, на Голубятном” знает отличный трактир, там можно посидеть, чайку напиться. Мы согласились, и он привез нас в большой, грязный извозничий трактир. Мы спросили чаю, газет и начали ждать. Время тянулось медленно. По трактиру ходили коробейники, разносили всякую дрянь, а рядом в комнате происходит страшный крик, кто-то у кого-то украл сапоги. На душе как-то стало скверно. Энергия начинала проходить. Поездка к Л[ьву] Н[иколаевичу] казалась глупой и нахальной. Хотелось все это поскорей покончить. Без четверти 7 решили ехать...

Дверь опять была не заперта, опять появился тот же лакей во фраке и спросил, как об нас доложить. Мы просили, чтобы он просто сказал, что Льва Николаевича желают видеть два петербургских студента [...] В коридоре мы встретились с двумя маленькими гимназистами, которые нам любезно поклонились. Мы вошли в небольшую комнату, должно быть, одного из старших сыновей Толстого. Над письменным столом висела олеография с картины Репина “Лев Толстой за охотой”. На столе стояли карточки его и

графини и лежала открытая книга: “Lettres de Marie Bachkirtzeff”.⁵³ Мебели была только жесткая кровать с одной подушкой, покрытая старым серым одеялом, жесткое кресло, сундук, стул и этажерка с книгами. Я сел на стул, Дима же польстился на сундук, на котором набросано было мужское платье. Так мы пробыли в ожидании минут 5, которые нам показались годами. При каждом малейшем движении в коридоре мы вздрагивали.

Наконец послышались шаги и покашливание пожилого человека и вошел Лев Николаевич. Одет он был в черную суконную блузу, черные брюки на выпуск и ботинки, подпоясан ремешком [...] Что меня в нем особенно поразило – это соединение крестьянского рабочего костюма с какой-то джентльменской манерой держаться и говорить. Ничто в его фигуре, ни в его одежде, ни в голосе, ни в манерах, ни в разговорах – не шокировало ни в малейшей детали. Вся его трогательная фигура была воплощением оригинальной правды и натуральности. Говорил он басом и не тихо. Во время разговора смотрел прямо в глаза тому, с кем говорил [...] Впоследствии мне было очень досадно, что мы не приготовились к беседе с ним, потому что в таком случае она могла выйти далеко интереснее. И ты не сердись, мама, что мы не воспользовались свиданием с ним, чтобы возбудить какие-то общие интересные разговоры. Мы страшно растерялись, прежде всего.

Поздоровавшись с нами, он обратился к нам с вопросом: “Чем могу служить?” Я, путаясь, отвечал приготовленную фразу: “Вот, Лев Николаевич, мы, петербургские студенты, хотели послать вам наши посильные пожертвования, но, узнав, что вы в Москве, решили передать их вам лично”.

Толстой. Очень приятно; как же это вы сюда попали?

(Тут Дима решился позволить себе маленькую ложь; как-то ужасно неловко было сознаться, что мы в такое время приехали в Москву просто повеселиться. Поэтому он отвечал):

Дима. Мы здесь по делу.

Толстой. Ах, от университета...

Дима. Нет, меня отец послал.

Т. А-а, а вы здесь надолго?

Д. Нет, мы думаем уехать завтра или послезавтра.

Т. Ну а каких вы факультетов, курсов?

Я. Мы вместе на втором курсе юридического факультета.

Т. Ну, значит, ничего не делаете?

(При этих словах мы улыбнулись, и я ответил):

Я. Да, в сущности, это правда.

Т. Да это и отлично».

Разговор затем продолжался на разные темы. Толстой много говорил о необходимости устройства новых столовых для голодающих. Также он рассуждал о приношении даров, по аналогии с христианской притчей о Закхее из Евангелия от Луки. Наконец Дягилев подводит итог их беседы:

«Толстой. Ну-с, извините, очень бы хотелось еще с вами поговорить, да у меня сидят гости.

(В то время, когда он подал нам руку, Дима не выдержал и сказал):

Д. Лев Николаевич, позвольте вас поцеловать.

---

⁵³ «Письма Марии Башкирцевой» (фр.).

Лев Николаевич обнял сначала его, потом меня и расцеловал, а затем открыл нам дверь в коридор. Мы поторопились пройти и, уходя, слышали за собой его мирные удалявшиеся шаги.

Первыми словами, когда мы вышли на улицу, были вырвавшиеся у нас обоих восклицания: «Да он святой, он положительно святой!» Мы были так растроганы, что едва не плакали. Что-то невообразимо искреннее, трогательное и святое было во всей фигуре этого великого человека.

Смешно, что мы еще долгое время чувствовали запах его бороды, который мы ощутили, обнимая его. Конечно же, первое время мы ни об чем другом не могли говорить».

Чтобы сохранить что-то на память об этой встрече, Дягилев решил обратиться к дочери Толстого Татьяне Львовне и попросить ее, чтобы она подписала у Льва Николаевича фотографию писателя, вложенную в конверт.

«Письмо Татьяне Львовне я отослал утром на следующий день после беседы. Когда я около двух часов дня зашел к себе домой, я уже нашел тот же конверт, в котором я отослал портрет. На конверте был написан адрес рукою Татьяны Львовны: «Е. В. Б. Серг. Павл. Дяг. Гостиница "Дрезден" от Толстой», а на портрете надпись Льва Николаевича: «Сергею Дягилеву Лев Толстой 1892 г. 17 января». Накануне нашего отъезда из Москвы мы встретили нашего родственника С. Бирюкова, о котором мы говорили с Толстым, и он сообщил нам следующий маленький разговор.

[...]

Бирюков. Ах, это у вас были два студента, Философов и Дягилев.

Т. Да, да. Я говорил с ними. Скажите, ведь Дягилевы были очень богаты, недавно разорились? Ведь это у них ужасный крах?

Б. Да, но этот Дягилев имеет средства к жизни по покойной матери.

Т. Приятные молодые люди, такие восторженные.

[...]

Сообщение этих нескольких фраз было тем приятно нам, что Толстой, значит, не совсем забыл нас.

[...]

Не знаю, придется ли мне когда-нибудь еще раз в моей жизни встретиться или написать ему. Желаю этого от всего сердца, потому что такие минуты и впечатления остаются всегда в душе, как светлые точки. Такого оригинального и странного впечатления на меня еще не производил никто. Увидев его, я понял, что человек путем самосовершенствования приобретает нравственную святость; я понял, что пророки и святые, о которых мы читаем в Священном писании, не есть миф и невозможное. Я узнал, что и теперь еще могут быть святые борцы за отыскание и проповедование истины. Знаю, что, перечитав эти строки через тридцать лет, они мне покажутся очень смешными. Эти восторженность и пафос пройдут, но зачем же скрывать, пока этот пафос просится наружу»¹³.

Вернувшись в Санкт-Петербург, Дягилев еще три раза пишет Толстому. В архиве Толстого в Москве эти письма считаются утерянными. Илья Зильберштейн, крупнейший специалист по Дягилеву в России, держал в руках эти письма в 60–70-х годах XX века. Он приводит небольшой фрагмент из письма от 15 апреля 1892 года, написанного через два месяца после поездки Дягилева в Москву. Из него видно, что ответу Дягилева предшествовало письмо Толстого:

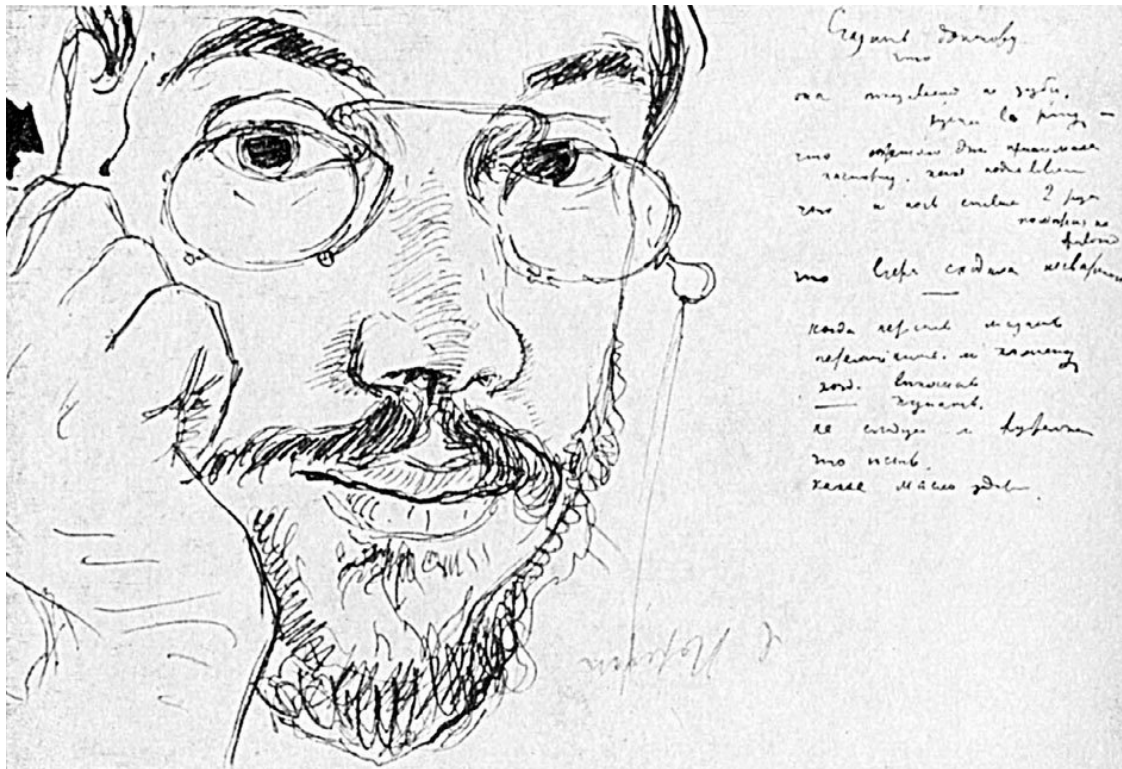
«...Вы мне написали, что полюбили меня, и ведь это не фраза: не верится, чтобы Вы когда-либо сказали или написали то, что не чувствуете. Вот это-то Ваше слово любви и дало мне маленькое право еще раз обратиться к Вам и исповедовать перед Вами то, в чем мне так необходим совет; а к кому же мне обратиться за советом, как не к Вам»¹⁴.

О продолжении этого письма, как и об остальных письмах Дягилева Толстому, ничего не известно. В последний раз Дягилев пишет Толстому в день своего рождения 19 марта 1893 года, когда ему исполнился двадцать один год. По словам Зильберштейна, в этом письме он задает что-то вроде извечного вопроса о смысле жизни и пишет: «Мечтания и цель моей жизни – это творчество в области искусства»¹⁵. Конечно, письма Дягилева к Толстому были продиктованы желанием приблизиться к столь почитаемой знаменитости, но тот факт, что Толстой ответил на некоторые из них (не перепоручая этого своему секретарю), доказывает, что писатель воспринял всерьез дягилевские письма. Переписка с Толстым, как подтвердилось позднее, ознаменовала собой перелом в эволюции Сергея Дягилева. После того как ему исполнился двадцать один год, он стал постепенно отходить от идеологии предшествующих поколений, идеалистов 60-х и 70-х годов, для которых Толстой был радикальным рупором. Несмотря на то что Дягилев всегда с восхищением и уважением будет отзываться о писателе, выражая свои взгляды посредством выставок и через журнал, его эстетическая программа окажется диаметрально противоположной толстовской.

V

Студенческие годы: Александр Бенуа 1890–1894

Безусловно, главным событием в жизни Дягилева в первые годы после переезда в Петербург было знакомство с Александром Бенуа. Этот однокурсник и друг Димы Философова вырос в семье знаменитых архитекторов и художников, предки которых происходили из Франции и из Венеции. Отец Александра был весьма востребованным архитектором, так же как и его дед со стороны матери и брат Николай. Второй брат, Альберт, был известным акварелистом. Члены семьи Бенуа оказывали значительное влияние на художественную жизнь императорской столицы, поскольку служили при дворе (прадед Александра когда-то был шеф-поваром Павла I), занимали должности ведущих профессоров в Академии художеств, активно сотрудничали в разного рода обществах и комитетах, от объединений художников до комитетов по охране культурного наследия. Помимо изобразительного искусства в семье Александра (для близких – Шуры) большую роль играли театр и музыка. Дети серьезно занимались рисунком и музыкой, от них ждали выдающихся успехов на артистическом поприще. Дом семьи Бенуа был полон произведениями искусства; помимо работ самих членов семьи, там были многочисленные предметы итальянского и немецкого искусства, как, например, пастели Гварди. Семье принадлежала даже одна картина Леонардо да Винчи (на тот момент одна из немногих работ итальянского мастера в частной коллекции). Сейчас она хранится в Эрмитаже и известна как «Мадонна Бенуа».

А. Бенуа. Автопортрет

Ни одно исследование по истории русской культуры XX века, даже самое сжатое, не обходится без упоминания о наиболее известном представителе этого рода – Александре Бенуа.

Он был необыкновенно плодовитым художником и графиком, прославленным декоратором и художником по костюмам, составителем, иллюстратором и издателем собственных книг. Кроме того, он являлся еще и очень влиятельным и продуктивным критиком. Публиковаться он начал в юном возрасте и не сдавал позиций до глубокой старости (он прожил до девяноста лет). В области искусствоведения Александр Бенуа был самоучкой, но, несмотря на это, издал немало работ по истории искусств, в том числе трехтомную «Историю русского искусства» и двадцатитомную «Историю живописи всех времен и народов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.